

РОК УМЕР —

А МЫ ЖИВЁМ

РОМАН СЕНЧИН

18+

СБОРНИК

Роман Сенчин

**Рок умер – а мы
живем (сборник)**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сенчин Р. В.

Рок умер – а мы живем (сборник) / Р. В. Сенчин —
«Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-94203-9

Российский рок давно уже покинул подполье и превратился в государственную музыку; борцы с благопристойностью сменили косяки на растянутые треники; протестное движение, которое в начале девяностых захватывало романтической героикой, теперь выглядит восстанием пупсиков. А мы всё ещё живём – рефлексирющие, не нашедшие достойного применения своим силам, счастья и покоя мятущемуся духу. Как быть и что делать людям потерянного рок-поколения, которые в силу возраста должны были стать двигателями нынешней российской жизни, её надеждой и опорой, но не стали никем, – на эти вопросы пытается ответить писатель-гуманист в вошедших в этот сборник знаменитом романе «Лёд под ногами» и повести «Один плюс один».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94203-9

© Сенчин Р. В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Лёд под ногами	6
1	6
2	11
3	17
4	23
5	29
6	34
7	40
8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Роман Валерьевич Сенчин

Рок умер – а мы живём

© Сенчин Р., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Лёд под ногами

1

Осенью и зимой по утрам в будни он видел за окном одно и то же – колонна белых огней медленно двигалась вниз и уходила почти под дом. Через двойные рамы слышался ровный, размеренный гул; иногда из него выделялся треск трактора или рёв мощного грузовика, случалось, вскрикивал нетерпеливо-обидчиво клаксон отёртой на край легковушки, ещё реже гул разрезала сирена «Скорой помощи» или кряканье милицейских «Фордов» и «Лад», депутатской «Ауди».

Но что-нибудь особенное происходило редко, и колонна огней напоминала хорошо отретированное то ли ритуальное, то ли воинское шествие, где каждый несёт светящийся фонарь... А вечером можно было наблюдать, как бегут прочь из-под дома мелкие красные точки – казалось, что участники утреннего шествия, добравшись куда-то, целый день с кем-то сражаясь или добиваясь увидеть святыню, в итоге оказались разбиты, размётаны, и теперь остатки воинства пытаются спастись, укрыться, чтоб завтра повторить то же самое – снова сплотиться в крепкую, длинную колонну и, освещая путь белыми фонарями, решительно двигаться вперёд. И на стёкла окна снова будет давить гул, непрерывный, угрожающий, словно в колонне дружно, сжав челюсти, на одной ноте тянут: «М-м-м...»

Он не то чтобы любил по утрам стоять у окна – нет, он даже не замечал, как, умывшись, почистив зубы, побрившись, заварив чашку кофе и закулив первую за день сигарету, подходил к окну и смотрел. И видел в мутном полумраке жёлтые точки окон соседних домов, синеватый свет фонарей, разноцветные гирлянды на магазинах и, главное, жирную колонну тёмных шевелящихся существ, освещающих себе путь белыми огнями. И во сколько бы ни подошёл к окну – в семь часов, в восемь и в половине девятого, – колонна была всё такой же густой, полнокровной, и он не мог определить, когда она возникает и когда редет, иссякает; он не мог позволить себе дежурить у окна: днём были дела, необходимые и обязательные, а ночью – драгоценный, восстанавливающий силы сон. Но десяток минут, пока курилась сигарета и в чашке был кофе, он наблюдал. И вид плотной двигающейся массы внизу тоже давал силы, заражал желанием поскорее выйти из квартиры и двинуться вместе со всеми.

Времена, когда к скопищу людей и машин он чувствовал неприязнь, враждебность, когда оно приводило его то в бешенство, то в отчаяние, давно прошли. И теперь, стоя перед окном с чашкой кофе, неторопливо затягиваясь лёгким «Винстоном», он был рад, что колонна эта есть и сегодня, от неё исходила уверенность – уверенность в себе и в городе, в котором живёт он – один из многих и в то же время отдельный, особый, – Денис Чашин... В выходные и праздники порой становилось жутковато от того, что улица пуста, – казалось, за ночь все вымерли или ушли навсегда и он остался единственным...

У него была машина – почти напротив подъезда стояла серебристая «девятка» девяносто седьмого года выпуска. На ходу. Нужно только масло сменить, прогреть хорошенько, и можно ехать.

Конечно, на машине, пусть даже и на такой, престижнее, но удобнее всё-таки на метро. Хоть и давка, зато нет пробок. Да и дешевле. Одно дело, если бы жил где-нибудь в Бутове или в Видном, машина была бы необходима, а так... Ему повезло – квартиру нашёл в районе станции «Варшавская»; путь до работы занимал тридцать-сорок минут. Одна пересадка. И, глядя в вагоне на схему метрополитена, он ёжился от мысли, что мог бы обитать на одном из кончиков этих растопыренных разноцветных щупальцев. Ведь это пытка, каждодневная мука ехать, например, от «Битцевского парка» (одиннадцать перегонов до Кольцевой линии),

или от «Планерной» (восемь долгих), или от считающегося элитным, чуть ли не санаторным Крылатского – девять перегонов, и поезд почти все время идёт по поверхности, зимой холодина, ветер, в дождь или в снег с потолка вагона летят чёрные, как сажа, капли... Да, с жильём ему повезло.

Уже шесть лет он снимал у одинокой пожилой женщины квартиру, оставшуюся ей от сестры, и хоть цена постепенно росла, но никогда не доходила до тех пугающих цифр, что звучали в обзорах рынка аренды жилья; женщина брала долларов на пятьдесят-сто меньше. Может быть, потому, что привыкла к нему, или, скорее, не была в курсе рыночных скачков...

В девять часов и примерно тридцать минут Чащин входил на «Варшавскую», вставлял в щель турникета магнитную карту. Раздавалось энергичное потрескивание, затем карта выскакивала из другой щели с отметкой о дате прохода и числе оставшихся поездок.

Спускался на платформу, занимал привычное место в районе, где должен был остановиться второй вагон от головы состава – там, по его наблюдениям, обычно бывало свободнее. Тревожно-бодряще звучал в динамиках голос дежурной по станции: «Во избежание несчастных случаев отойдите от края платформы за ограничительную линию!» Но люди толпились на краю – все спешили, всем очень нужно было скорее сесть в поезд. И Чащин, как только двери разъезжались, вминался в тела за ними. Неохотно, неуступчиво, но молча, без возмущений, пассажиры подавались, и Чащина тоже кто-то негрубо и уверенно толкал, вминал; люди утрамбовывались, прижимали к груди сумки и кейсы, подтягивали полы своей верхней одежды; двери захлопывались, и поезд, натужно шикнув, трогался, быстро разогнался и уже летел по туннелю. Под днищем вагонов что-то звенькало и скрежетало, за окнами завывало, как вьюга. Головы пассажиров покачивались, а туловища оставались неподвижными, словно окаменевшими, – теснота держала крепче самых надёжных тисков.

Когда-то, стоя вот так, зажатый, он не знал куда смотреть, становилось неловко от такой близости с чужими людьми; случалось, нестерпимо возбуждали оказывающиеся рядом симпатичные девушки, и Чащин с трудом сдерживал желание дотронуться, погладить, погрузить лицо в душистые мягкие волосы. Но незаметно, без самовнушений и внутренней борьбы, он перестал обращать внимание на то, что происходит вокруг, кто стоит рядом, даже зрение и слух выключались; он словно бы засыпал, и лишь аромат каких-нибудь необыкновенных духов иногда возвращал в реальность, заставлял вертеть головой. И Чащин злился: зачем побеспокоили, раздражили, разбудили? А вокруг были сонные, отсутствующие лица.

После прошлогоднего взрыва между «Автозаводской» и «Павелецкой», когда погибло сорок человек, люди на некоторое время оживились – следили друг за другом, оглядывали большие сумки, пытались держаться подальше от кавказцев. Но потом вернулись в обычное состояние – выдерживать дополнительное напряжение было очень сложно.

Чащин работал в самом симпатичном ему районе Москвы – на Пятницкой улице. Вроде бы центр – Кремль видно, – но забытый теми, кто старается всё снести и перестроить, залить бетоном. Дома позапрошлого века стоят плотными шеренгами, трогательно обшарпанные, запylённые; сохранились скверики и дешёвые, простенькие кафешки. Впрочем, и пафосных мест тоже хватает.

Людей здесь никогда не бывает непроходимо много, как на Тверской или на Новом Арбате, и часто, оглядевшись кругом, Чащин вспоминал услышанное в детстве или в какой-то забытой, но страшно интересной книге прочитанное таинственное слово: Замоскворечье. И эта таинственность сохранялась для него до сих пор.

А ещё этот очень московский район был дорог ему тем, что походил на Питер – на Питер улицы Рубинштейна, Загородного проспекта, площади Пяти Углов; и там, и здесь не было столичной парадности, чувствовалась близость воды – в Питере Фонтанки, а в Москве Водоотводного канала; и там, и здесь как-то органично перемежались скученность

застройки и пяточки крошечных сквериков, где можно свободно вдохнуть... С Питером у него был связан небольшой, но яркий, наверное, важнейший период жизни – конец юности, а с Москвой – продолжительный, длящийся уже девятый год, сначала трудный, хаотичный, но затем всё более размеренный и надёжный – период взрослости. Здесь у Чащина неплохая работа и спокойный отдых после неё, постепенно пополняющийся счёт в «Альфа-Банке»...

Минуту, когда выходил из метро «Новокузнецкая», оправляя после давки пальто, проверяя, не сбился ли галстук, Чащин тоже ценил. Останавливался на площади перед станцией, облегчённо выдыхал, оглядывался, определяя, всё ли на месте, всё ли так, как было вчера; мысленно здоровался с этими домами, деревьями, ларьками, куполом Климентовской церкви. А потом толкал себя дальше, вперёд, шагал бодро и делово к той арке, за которой, в вечно сумрачном дворе-колодце, была дверь его офиса.

Снаружи дом выглядел как развалины. Облупленные, будто стучали по ним огромными кувалдами, стены, проржавевшие до дыр козырьки над подъездами, оборванные водосточные трубы. Тонированные стёкла в рамах без перегородок кажутся чёрными дырами – впечатление, что дом внутри выгорел. Но двор забит дорогими автомобилями, а под окнами дырами кондиционеры. И любой, кто более-менее в курсе цен на офисные помещения в Центральном АО, скажет, глядя на этот дом: «Достойная точка». Скажет с уважением, но без азарта, зная, что, не имея связей, соваться сюда смысла нет: никакие деньги не помогут занять хотя бы парочку комнат.

«Твой город», где работал Чащин, занимал весь третий этаж – обосновался здесь в девяносто восьмом, когда с недвижимостью было ещё полегче, пережил наезды, дефолты, несколько смен крышевателей и теперь никому ничего не платил, а сам сдавал часть площади бюро переводов...

Открыв неприметную железную дверь, Чащин вошёл в подъезд и попал в знакомую, но каждое утро удивляющую его обстановку. Свежие, с лёгким запахом цветущего сада, струи воздуха из кондиционера, яркие, но не слепящие шишечки ламп. Светло-серый – успокаивающий и в то же время настраивающий на деловой лад – пластик на стенах... Сделав всего пару шагов, Чащин со слякотной и неуютной улицы перенёсся, казалось, на борт огромного космического корабля, и в этот момент невозможно было поверить, что через восемь часов он снова окажется на улице, будет этому рад и, переступая через лужи и сугробики грязного снега, следя, чтоб не столкнуться с прохожими, не попасть под колёса, поспешит к метро, снова вдавится в тугую стену людей за раздвинувшейся дверью вагона...

– Доброе утро, Денис Валерьевич! – бодрое приветствие охранника.

– Доброе утро, – кивнул Чащин в ответ, взбегая по короткой лестнице к лифту.

Поднялся на третий этаж. Дверь из мутного стекла, за ней стойка ресепшен. Там девушка:

– Доброе утро, Денис Валерьевич!

– Доброе!

Тонкими пальцами с длинными накладными ногтями она сняла ключ с крючочка. Чащин черкнул роспись в журнале.

– Время прихода сами поставьте.

Кабинет находился в конце коридора – после ремонта в прошлом году он сам выбрал эту комнату, подальше от ресепшена и холла, от секретарской. Там поспокойнее, меньше топают, шум иногда возникающих переполохов почти не долетает. Кабинет только его, отдельный. Наверное, когда-то это была одна из двух десятков конурок коридорной коммуналки, жил здесь, среди антикварных буфетов и этажерок, какой-нибудь помнивший дореволюционные времена старичок, или старушка в источенной молью шали читала толстые, пыльные книги с ятями и твёрдыми знаками в конце слов. Окно было навсегда завешено светонепроницаемыми шторами, а в углу, на всякий случай, стояла буржуйка...

Теперь ничего не напоминало о коммунальном прошлом. Теперь на окне жалюзи, стены и потолок покрыты пластиком, на полу – гасящий звук шагов ламинат. В кабинете два больших стола пепельного цвета. На одном компьютер, бумаги, телефоны – городской и внутренний, на другом – сканер и принтер. Стоит узкий шкаф для документов, возле двери металлическая вешалка. У стены диванчик, телевизор на тумбочке; рядом с диваном круглый стеклянный столик с чайником. Вращающееся кресло с удобной спинкой для Чащина и два кожаных стула для посетителей... Небогатая обстановка, но при необходимости здесь можно и пожить.

Когда-то рабочий день казался ему бесконечным, мучительным; по утрам он не верил, что сможет дотянуть до вечера и не шизануться. То и дело взглядывал на часы, поражаясь, как медленно тянется время, представлял, сколько всего важного, интересного, значительного мог бы сделать вместо сидения за этим столом. Восемь часов в кабинете (не считая похода в столовую) плюс час с лишним в дороге на работу и с работы. В неделю выходит огромный кусок времени. Кусок жизни. И он тратился неизвестно на что, попросту убивался. И так, казалось, уже навсегда. По крайней мере – до пенсии.

Но постепенно Чащин привык, и время увеличивало скорость; появился набор дел, чтобы, вроде как ничем не занимаясь, потратить незаметно как можно больше минут. Не спеша отпираешь дверь, не спеша раздеваешься, тщательно чистишь обувной губкой туфли, включаешь компьютер, готовишь чашку кофе и пьешь его, сидя на диване, наслаждаясь каждым глотком. Вот полчаса и прошло. Потом смотришь новости в Интернете, кочуешь по сайтам и блогам. А там и дело к обеду. Спускаешься на первый этаж в столовую. Выбираешь блюда. Обедаешь. Куришь в холле, болтаешь с коллегами или, если болтать не хочется, снова садишься за компьютер. То да сё, и вот уже вечер... В шесть ноль-ноль Чащин закрывал кабинет, сдавал ключ и выходил на улицу.

Дни в основном получались похожие один на другой; бывало, он по неделе не видел начальство, сдавая материалы секретарше. Лишь по средам вспыхивала суета – в этот день номер «Твоего города» отправляли в типографию, и нужно было всё окончательно выверить, в последний момент вечно появлялась какая-нибудь обязательная статейка, объявление, интервью, и приходилось разрушать тщательно скомпонованный блок. Правда, и к этим средовским авралам Чащин постепенно привык.

Он спокойно рисовал галочку в том месте вёрстки, куда нужно было вставить поступившую статью, спокойно отмечал, как поджечь остальное, кое-что без сожаления вычёркивал, уменьшал размеры фотографий и нёс бумаги секретарше. В двух словах объяснял, как и что, а она передавала дальше... Секретарша, немолодая, но симпатичная женщина, работала у них давно, и Чащин всё больше её ценил – она избавляла его от общения со всеми этими худредами, техредами, верстальщиками, корректорами; львиную долю заморочек секретарша решала сама, решала как-то легко и для окружающих незаметно.

Сегодня была пятница, его блок почти собран, вчерне скомпонован. Из двадцати пяти полос готовы семнадцать. Но основная информация – проплаченные материалы о кинопремьерах, репертуар кинотеатров, рейтинги кинопроката – пойдёт в понедельник, и придётся отсекать маловажное, вжимать в положенный объём или выбивать ещё пару-тройку полос. Но раньше времени об этом лучше не думать. Не забивать голову.

Чащин устроился в кресле, машинально положил правую руку на мышку, рассеянно смотрел, как на экране монитора по короткой шкале бегают синие квадратики, обозначая загрузку системы; уютно, как приласкавшаяся кошка, урчал системный блок возле левой ноги... Сначала глянет новости, потом почитает, что пишут в «Живом Журнале» – там часто встречаются прикольные вещи...

– Привет, труженик! – вошёл в кабинет его начальник, непосредственный и единственный.

Чащин неискренне заулыбался:

– Доброе утро, Игорь. – Привстал, протянул руку.

– Чего прячешься?

– В смысле?

– Тыщу лет не видел. Как дела-то?

– Да как... – пожал Чащин плечами. – Вот сижу работаю...

– А чего сидишь? Ходить надо, Дэн, смотреть. У нас журнал про что, где, когда, а мы в норы позабывались... – Игорь достал из кармана «Зиппо», зажёл огонёк, полюбовался им. – В курсе, «Эксплоитед» опять приезжает?

– Да, слышал.

– Пойдёшь?

– Ну, смотря по билетам...

– Для нас-то билеты, наверно, найдутся. Чего, давай сгоняем? Оторвёмся, как в старые добрые... Когда мы на «Эксплоитед»-то ходили?

– В феврале девяносто восьмого, – нехотя подсказал Чащин, – на Горбушку.

– Ни фиги себе – восемь лет прошло! Так и вся жизнь незаметно... Нет, надо сходить обязательно.

– Не знаю. – На концертах Чащин давно уже не бывал, и не хотелось. – Если билет пятисотку – не потяну.

– Все намёки на повышение зарплаты – директору. Я – творческое начало, никаких финансов.

Это была обычная фраза Игоря, и Чащин тоже ответил на неё, как отвечал обычно:

– Жаль. Тебя бы да на финансы – о лучшем и мечтать невозможно.

– М-да, месяц общего кайфа, а потом мне новое место искать с волчьим билетом... Ну так как с «Эксплоитед»? Погнажи, Дэнвер, серьёзно. – И напел: – Фак ю юэсэ-эй!.. А?

– Не знаю пока. Ещё ведь не скоро. – И, вспомнив, что Игорь не просто его начальник, а друг и спаситель, поправился: – Скорей всего... Конечно, надо иногда зажигать.

Он говорил это, а сам боялся, что начнутся воспоминания о давних концертах, давно закрытых клубах, о тусовках, сейшенах, посыплются вопросы: жива ли гитара, не разучился ли Дэн аккорды брать... Нет, не надо разговоров, ворошения прошлого. Посидеть в тишине одному...

2

Они были знакомы с тех времён, когда Игорь ещё носил истёртую джинсу и брился раза два в неделю, а Чащин бродил по Москве с «Джипсоном» на плече, ломился в клубы, упрашивал выпустить на сцену... Игорь был музыкальным обозревателем, работал в журнале «Развлечения столицы», а Чащин считал себя рок-музыкантом. Игоря тогда называли Игги, а Чащина – Дэнвер.

Игорю Чащин был обязан устройством нескольких своих выступлений, публикацией анонсов этих выступлений в «Развлечениях...» и даже одной статейкой о нём, «Денисе (Дэнвере) Чащине – ярком представителе сибирского бард-панк-рока». Игорю он был обязан и тем, что стал таким, как сейчас...

День, когда всё изменилось, запомнился подробно, в деталях. После этого пошли почти сплошь ровные, одноцветно-благополучные, среди которых, конечно, случались редкие вспышки, но их уже невозможно было датировать, выстроить по порядку. А тот день получился страшным, переломным, нереально длинным. Утром Денис был уверен, что гибнет, искал спасения и не находил, а днём понял, что начинает жизнь по новой.

Утром его выгнали со вписки – из отличной двухкомнатной квартиры в свежем доме в Братееве. Он жил там уже около месяца – у него была своя кровать с подушкой, простынёй и одеялом, в ванной на полочке лежала его зубная щётка, а на кухне – походная алюминиевая миска. Он привык к хозяину этой квартиры, шестнадцатилетнему пареньку, фанату сибирского панка, у которого даже погнало было Сиба, так мечтал съездить в Сибирь. И Дениса он поселил, кажется, затем, чтобы в любое время дня и ночи слушать рассказы о героических концертах «Гражданской Обороны» в общагах НГУ, о Янке Дягилевой, панковской коммуне в красноярском Академгородке, радикалах из Иркутска, о крейзерах с Кузбасса... И Денис рассказывал.

Они зажили почти как родственники, размеренно, упорядоченно, без шумных пьянок и многосуточной тусни. Днём читали, смотрели телевизор, Денис учил Сибу играть на гитаре, а ближе к вечеру ехали в один из клубов. Ночью или утром (как получится) возвращались. Частенько вместе зарабатывали сотню-другую в подземном переходе на Новом Арбате. Денис играл и пел, а Сиба протягивал прохожим обувную коробку, просил подать... Да, было нормально. Но в то утро нагрязнули из отпуска родители Сибы.

Вообще-то рано или поздно они должны были появиться, но думать об этом не хотелось, грела мечта, что они возьмут и исчезнут... Конечно, родители ужаснулись, увидев в своей уютной квартире чужого, тем более такого – в рваных джинсах, в майке Sex Pistols, с выбритыми висками и зеленоватыми прядями на макушке. Отец Сибы, мощный, почти квадратный мужчина пролетарского вида, молча взял Дениса за шею и вывел на лестничную площадку. Захлопнул дверь.

Кажется, самые страшные минуты Денис испытал тогда, на площадке. Понимал, что вполне – даже наверняка – может больше не увидеть свой рюкзак, где лежали паспорт, записная книжка с необходимыми адресами, деньги в потайном кармане, а главное – лишиться бесценного «Джипсона»...

Он топтался на коврике у порога и вслушивался в бурю за дверью.

– Мы зачем тебя оставили?! Ты ведь готовиться обещал! Тебе в институт надо! – кричали по очереди мать и отец Сибы. – Ведь армия, армия осенью! Ар-ми-я! Что же ты делаешь?! Ты таким стать хочешь?! Оттуда ведь нет пути! Нет, понимаешь ты?! Они дохнут каждый день, как собаки! Там всё – пропасть! Пропать, Кирилл!.. Ну-ка руки показывай! Показывай руки сейчас же!

Пауза. Тишина. Сиба, наверно, показывал руки без следов от уколов. И потому родители стали ругаться мягче, а у Дениса появилась надежда. Он даже отошёл от двери, присел на ступеньку. Хотел закурить, но сигареты тоже остались в квартире... Думать о том, где проведёт следующую ночь, не было сил. Два года жизни здесь он в основном только об этом и думал. Устал.

Наконец Сиба вынес вещи. За его спиной, как конвоиры, торчали родители.

– Спасибо, – сказал Денис и стал спускаться на улицу.

– Счастливо. Держись.

Да, сейчас вспоминалось, что именно в тот день он почувствовал полную опустошённость, понял бессцельность своего здесь пребывания. В этом городе. Даже идти было трудно; он добрёл до ближайшей скамейки, упал на неё. Рюкзак бросил на землю, гитару прислонил грифом к ноге. Если бы она съехала и упала, он вряд ли бы смог её поднять. Да и зачем? Бесполезно...

Он приехал сюда в июле девяносто шестого, заряженный злостью. Перед тем как купить билет на поезд, несколько дней смотрел по телевизору бесконечные концерты «Голосуй или проиграешь». Выступали его любимые группы, на песнях которых вырос, лет с тринадцати ловил о них любые сведения, собирал записи, выстригал из «Ровесника» и «Студенческого меридиана» фотографии и вешал на стены. И вроде бы, видя их теперь сутками на экране, он должен был радоваться – можно смотреть и слушать сколько угодно, – но вместо этого рычал от злости.

Ему было всё равно, в чью пользу они выступают, кого и что защищают, – было ясно: именно теперь, в эти дни, рок-музыканты меняют протест на присягу. Клеймят одну форму власти, славя другую... Рок окончательно покидал подполье и становился государственной музыкой.

Назлившись, чувствуя, что больше не может оставаться в квартире, побежал к Димке. Димычу... Они учились в одном классе все десять лет, потом уехали в Питер, поступили в строительное училище на годичные курсы; ходили на концерты, а в декабре восьмидесяти девятого попали в армию. Правда, в разные части. После дембеля, вернувшись домой, создали свою группу. Записывали на магнитофон «Маяк» жуткого качества альбомы, несколько раз выступали на частых в то время фестивалях, даже два сольных концерта дали. Но группа распалась – барабанщик женился, бас-гитарист уехал, а они с Димычем виделись всё реже. Работа, девушки, дела, взросление. Да и особых поводов встречаться не возникало... Сейчас же стало необходимо увидеться, поговорить.

Димыч лежал на тахте в своей комнате. Письменный стол, где они когда-то делали вместе уроки, а потом сочиняли песни, был завален засохшей закуской, под столом – пустые литрухи «Асланова».

– Третий день уже так, – сказала его мать с безнадежной горечью. – Даже на работу не ходит. Уволят опять. А-ай... – Вышла.

Телевизор был включён, показывали всё тот же концерт. Огромная сцена, пёстрое разноцветье, в котором преобладали белый, синий и красный. И как раз самый любимый и настоящий из рок-музыкантов Константин Кинчев пел своим демоническим голосом, при каждой фразе вскидывая вверх жилистые, в татуировках, руки:

День встаёт, смотри, как пятится ночь!
Коммунистические звёзды – прочь!¹

---

¹ Константин Кинчев, «Красное на чёрном».

Это был гимн их – Дениса и Димыча – поколения, и сотни раз, то в полный голос за батлом водки, то шёпотом в казарме после отбоя, они пели его, спасались им. Но раньше слова «коммунистические» в нём не было. Оно появилось сейчас, специально для этого «Голосуй или проиграешь». Вписывалось, подходило под ритм. Но гимн стал чужим...

– Димыч, – затормошил Денис, – вставай. Слышишь?

Димыч стонал, словно от ударов, пытался прикрывать руками лицо. Размякший, растёкшийся, ноги поджаты, желтоватые волосы спутались, к футболке прилипли помидорные семена...

Денис выключил телевизор, присел к столу. Собрал из бутылок остатки водки – с полрюмки накапало – и выпил. Огляделся. Стены, как и в его комнате, сверху донизу в фотографиях, постерах. Выделялся огромный плакат с лицом Кинчева крупным планом. Кинчев смотрит пристально, в упор, честно... Тогда его называли Доктор Кинчев, даже на «мелодиевской» пластинке восемьдесят восьмого года написали – «Доктор Кинчев со товарищи»; потом стали называть Константин, а с недавних пор – в духе времени – Костя. «Выступает Костя Кинчев и группа «Алиса!»»

Этот плакат Димыч купил в декабре восемьдесят девятого в киоске у Московского вокзала; в их карманах уже лежали повестки в военкомат, и хотелось что-то оставить на память из питерской жизни. Отослать домой. Денис выбрал плакат с группой «Зоопарк», а Димыч – вот этот. Каждый стоил четыре рубля. Немало... В общежитной комнате они аккуратно разрежали плакаты на прямоугольники и отправили в конвертах родителям. Через два года склеили и повесили на стены своих комнат. Издалека разрезом не было видно.

– Дим! Димыч! – снова стал толкать его Денис. – Ну вставай! Вставай.

Не добудился. Хотел вернуться домой, тоже упасть на кровать и отрубиться. Надолго. Забыть... Но вдруг – действительно вдруг – понял, что нужно делать. Как поступить.

Зашёл на работу – работал день через два в магазине «Аудио-видео» напротив городского рынка – и сказал хозяину, что срочно увольняется. По семейным обстоятельствам. Повезло, и ему тут же заплатили за отработанные дни три с лишним миллиона инфляционных рублей. Карман джинсов приятно вспучился.

– Если передумаешь, приходи, – сказал хозяин, – приму.

Повезло и в том, что родители ещё не вернулись с работы. Никто не мешал собираться... Денис достал из темнушки рюкзак, сложил в него кое-какую одежду, тёплые ботинки и куртку, два комплекта струн, тетрадку со своими песнями, ссыпал в кармашек медиаторы. Написал записку, что уезжает, о причине соврал: «В Новосибирске фестиваль, за призовые места обещают деньги»... Был уверен – родители не станут очень уж переживать: лет с четырнадцати он путешествовал автостопом по Сибири, в шестнадцать первый раз добрался до Питера. К тому же в армии побывал, после неё опять много катался с Димычем и ребятами из группы. Лишь последние года полтора постоянно был дома. Работал продавцом кассет...

Билетов на московский поезд не было, и, чтобы не передумать, Денис взял на межобластной. Главным сейчас было выбраться отсюда, куда-нибудь двинуться. Хоть куда-то сбежать из ставшей ненавистной комнаты с плакатами и телевизором, сбежать оттуда, где он узнал, что тот рок погиб...

Да, в нём был тогда мощный заряд. Заряд злости и желания действовать. Доказать, что есть другие люди с другими песнями, что он, рок-музыкант Дэн Чашин, другой – не из «Голосуй или проиграешь».

Два года он жил этим зарядом.

И вот теперь на скамейке в одном из тысяч московских дворов он осознал, что потерял поражение. Что там было, за эти два года? Несколько малоудачных выходов на сцену,

иногда – жалкие гонорарчики, полтора месяца участия в одной полупопсовой группе вместо сломавшего руку ритм-гитариста за право жить в студии, спать на полу. А в основном он пел в подземных переходах, тренькая на неподключенном «Джипсоне» раскрученные песни «Кино», «Чайфа», Чиж – за них лучше бросали мелочь, чем за его, никому не известные и не интересные... В поисках ночлега он по целым дням торчал на Арбате у стены Цоя, надеясь познакомиться с кем-нибудь – вдруг отведут к себе или дадут координаты надёжной вписки... Что ещё? Пьянки на флэтах, долгие и нудные разговоры ни о чём, просьбы «сбавать». И он доставал из чехла гитару и начинал петь свои вещи, но его быстро перебивали: «А «Гражданку» знаешь? Про границы ключ?.. «Электричку» цоевскую? Электричка везёт меня туда, куда я не хочу-у!.. Сбавай – гениальная тема!»

Он бацал, глотал через силу тошнотворный портвейн, спал по два часа в сутки, писал новые песни, упрашивал администраторов клубов дать возможность спеть их публике. И вот запал кончился. Пустота. Он сидел на скамейке, понимая, что больше не сможет искать место, где ночевать, не сможет доказывать, что настоящий рок всё-таки жив.

Что ж, в рюкзаке были спрятаны семьсот рублей – энзэ – на билет в плацкартный вагон и еду в дорогу. Придётся возвращаться. Май девяносто восьмого – это не июль девяносто шестого – другое время. Всё изменилось. Рок больше никого не заводил, кроме немногих подростков и горстки тридцатилетних, которые побоялись стать взрослыми. Остальные стригли свой хайр или заращивали виски, надевали костюмы, устраивались работать. Стало модно работать и зарабатывать, а не торчать на Арбате, аскасть мелочь на бухло возле метро «Смоленская», горланить песни протеста в подземных переходах, мешая пиплу спокойно идти по делам.

Появились новые группы, но играли они другую музыку, под которую приятно было гнать в автомобиле, сидеть в кафе, танцевать с любимой, расслабляться... Скребущий душу рок стал не нужен...

Уже с билетом на вечерний поезд Денис приехал на Арбат, попрощаться. Купил возле метро ватрушку и чай, пристроился на бордюре.

Мимо по узкому, зажатому киосками и лотками, щитовыми магазинчиками тротуару бодро шагали люди. Начался обычный для них день. Обычный рабочий день... Было много девушек. Высоких, симпатичных, ухоженных – да, здесь рядом, на Новом Арбате, в похожих на пчелиные соты небоскребиках, сотни фирм, и в них должны сидеть симпатичные, такие вот, девушки.

Впервые он с удивлением подумал о том, что за эти два года у него не появилось подруги, даже мысли не возникало её завести, влюбить в себя девушку. И, может, у неё поселиться... Конечно, девушки бывали, но случайные, на ночь, а то и на полчаса – страшно-ватые, безбашенные, пьяные панкушки. И имён их не спрашивал... В голове было только главное – играть, сделать так, чтоб услышали.

Иногда он мечтал – мечтал найти надёжную точку для репетиций и проживания, вызвать Димыча, собрать группу. Ведь как-то же группы здесь существуют, и большинство ребят, как и он, приехали издалека, безвестными; как-то же завоёвывают сцену, становятся богатыми, гитары покупают за пять тысяч баксов. А если вслушаться, что играют, – почти всё фуфло. И вон уже – концерт в «Олимпийском», запись нового альбома – в английской студии...

Денис поймал на себе брезгливый взгляд одного, другого прохожего, презрительную ухмылку фигуристой девушки. Будто мерзкое что-то увидели... А что, действительно ведь, достоин ухмылки: парень двадцати шести лет, тёмные волосы с зеленоватыми прядями, бритые полосы над ушами, покрытые щетинкой, щетина и на щеках, подбородке, в левом ухе большая серьга со знаком анархии. Застиранный, выгоревший до серости майка с полустёршейся надписью «Sex pistols» и кривляющимися рожами Ротгена и Вишеза; поверх майки

изорванная, вся в клепках и булавках джинсовая жилетка; джинсы – настоящие «Левисы», купленные в комиссионке в восемьдесят восьмом году за сто советских рублей, – тоже давно превратились в лохмотья, а сквозь дыры видны бледные волосатые ноги. И ещё, конечно, высокие китайские кеды, разрисованные шариковой ручкой... Он привык к себе такому, уже и не мог представить другим и потому не замечал, что попросту смешон окружающим. А сейчас увидел... Почти мужик, но в прикиде подростка. Вот он – упорный, многолетний борец с благопристойностью, превратившийся в клоуна.

Захотелось спрятаться, оказаться там, где никого нет, никто не станет колоть этими взглядами и ухмылками... Денис нагнул голову, торопливо доедал ватрушку... Недалеко скверик есть, во дворе дома, где Гоголь умер, там можно пересидеть...

– Дэнвер, здорово! – шлёпнули по плечу. – Ты опять на пост? Опять обездомел?

Это был Игорь. Неожиданно в костюме, выбритый, аккуратно причёсанный. Стоял бодро перекатываясь с носков на каблуки туфель. Так перекатывались деловые люди... Денис вскочил, заулыбался – обрадовался не встрече именно с Игорем, а тому, что рядом появился тот, кто не кольнёт, не ухмыльнётся. Кому можно пожаловаться.

– Вот, Игги, уезжаю. Всё.

– Куда?

– Да домой. Навоевался.

Игорь сочувствующе качнул головой; казалось, сейчас пожелает счастливого пути и пойдёт дальше. Но он предложил:

– Давай-ка пивка с шаурмой забросим. У меня, можно сказать, праздник сегодня.

Кочевая жизнь приучила не отказываться от еды; Денис подхватил гитару и рюкзак, пошёл за Игорем.

В кафе было душно, но пахло вкусно и сытно – специями, жареным мясом. Молодой азербайджанец энергично срезал с огромного куска золотистой говядины тонкие пластики, измельчал их на противне, грел перед раскалёнными спиралями печки тонкий лаваш... Игорь, попивая из бутылки «Балтику № 3», рассказывал:

– Уволился я из «Развлечений». Свой журнал теперь делаем. Продвинутый. Команда подбирается, деньги обещали. Всякую шнягу не будем ставить, а нормальное – о концертах, о выставках, фильмах. Альтернатива, в общем. Сейчас на радио «Рокс» ходил, обещали информационно поддержать. Надоела, Дэнвер, попса эта вся, макияжи, салоны. Знаешь, как называться будем? «Твой город». Нормально?

Принесли шаурму.

– Мясато как? – нахмурился Игорь. – Не в обиду?

Азербайджанец радостно возмутился:

– Как для себя!

Стали есть. Денис ел медленно, смакуя. В их городке шаурму не готовили. Или теперь уже начали... За два года многое могло измениться.

– Ну а ты чего уезжать-то решил? – спросил Игорь; сам он был родом с Урала, остался в Москве после журфака, как-то устроился.

Денис дёрнул плечами:

– Устал.

– Да ладно. Только всё начинается. Такие группы приезжают, клубы открываются. Жизнь кипит...

– Что-то не видно кипения. Попсня кипит. Сам же сказал, что попсня одна.

– Я не сказал, что одна. Но много. Надо бороться.

– Я наборолся... Триста рублей в кармане и билет до дому... за два года борьбы.

– Понятно. А дома чего делать будешь? Ты же совсем издалека откуда-то.

– Из Красноярского края... Ну, что делать? В магазин обратно пойду, если возьмут. Кассетами торговать. А если нет... Хрен его знает пока.

И, жалея себя, ясно поняв, что будущее у него действительно незавидное, Денис отвернулся к окну. Там, за стеклом, по-прежнему плотными потоками двигались люди. Энергично, бодро. Вот какой-то дядька приостановился, разглядывая товары в ларьке, и тут же случился затор...

Впервые Денис попал в Москву в октябре восемьдесят девятого – получив с Димычем первую стипендию в училище, решили сгонять посмотреть столицу. Льготный билет из Питера для учащихся стоил копейки, о том, где остановиться, как-то не думалось. Приехали рано утром в субботу, побродили по центральным улицам, удивляясь стоящим бок о бок разномастным, не из одной эпохи, домам, от вида которых болели глаза; послушали выступающих на митинге в защиту Ельцина у Моссовета. Ближе к вечеру выпили бутылку крепленого возле метро «Серпуховская», закусывая дефицитной в Питере хрустящей картошкой. А вечером отправились назад... Несколько лет о Москве Денис особо не вспоминал, не хотел снова в ней оказаться. Почему же в июле девяносто шестого рванул именно сюда? Здесь ведь и групп настоящих никогда не было – «Крематорий» разве что и «Звуки Му»... Хотя и в Питере ничего интересного давно не появлялось. Всё появилось там, в прошлом. Но как в этом сегодняшнем быть ему, Денису Чашину? Вот гитара, в рюкзаке толстая тетрадь с текстами и аккордами...

И, цепляясь за вдруг возникший шанс как-то ещё удержаться, как-то продлить попытки, Денис попросил. Попросил осторожно, сам не веря, что получится:

– Слушай, Иг, ты вот насчёт журнала... Может, меня возьмёшь? Если это, конечно... Я в музыке разбираюсь, английский знаю более-менее. Правда, с жильём сейчас...

Игорь взял. Поселил у себя в съёмной двухкомнатке. Дал сумму на новые джинсы и парикмахерскую... Через месяц выпустили первый номер; к осени журнал раскрутился, тираж достиг пятидесяти тысяч экземпляров в неделю – такой же, какой был у главного конкурента – «Развлечений столицы».

В октябре Денис снял однушку на «Варшавской», на Новый, девяносто девятый год последний раз съездил домой. Не понравилось – после двух с половиной лет в Москве он не мог представить, как жил в этом крошечном, скучном городишке с тремя свечками-девятитэтажками, пятью автобусными маршрутами...

Родители были рады, что он хорошо устроился, и словно бы постоянно извинялись за свой бедный и скучный быт; Димыч работал звукорежиссёром на местном радио, к рассказу Дениса о двухлетней неудачной попытке оживить рок в столице отнёсся равнодушно. Судя по всему, он с музыкой окончательно завязал, даже стены очистил от плакатов и фотографий.

– Ну, ладно, – Денис протянул ему на прощанье листок с номерами своих телефонов, – звони, если что.

Он тоже сделал у себя небольшой ремонт, выбросил кучу вещей и разрешил родителям распорядиться комнатой. Через несколько месяцев из письма узнал, что они пустили туда квартирантку – студентку педучилища. «Всё копейка», – объяснила мама. Денис поддержал: «Да, правильно. Деньги – это одно, а главное – вам не так скучно будет».

И вот шесть лет жил почти без воспоминаний, без ностальгии. И, в общем-то, был доволен.

3

В половине шестого Чащин стал потихоньку собираться. Заварил кофейку на дорожку. Как всегда в это время, размышлял, чем бы поужинать. Вариантов было много, но чаще всего выбирал курицу-гриль. И вкусно, и сытно, и экономно. Вместе с лавашем и соусом курица стоила сто тридцать рублей, за раз её одному не съесть, останется на утро или на следующий ужин. К тому же и возни никакой – оторвал окорочок и жуй. Удобно.

Чащин открыл в родном журнале программу ТВ, стал просматривать, что там сегодня вечером. По Первому «Рокки» в ноль тридцать, по «России» – «Аншлаг», а после него – концерт группы «Премьер-министр». О господи, группа... Во! По «Спорту» в двадцать два пятьдесят пять «Лучшие бои Майка Тайсона». Не забыть бы только...

Заглянул Игорь, наигранно удивился:

– Ещё не ушёл?!

– Да нет. Двадцать минут осталось.

– По пять капель будешь?

Эти вечерние пять капель случались нечасто – раза два в месяц, – но почти всегда превращались в мощный гудеж, когда из тумбочки доставался всё новый коньяк или водка, приходилось бежать в ближайшее кафе за закуской. Потом ловили машины и кое-как разъезжались по домам; потом муки похмелья... И Чащин испуганно замотал головой:

– Нет-нет-нет, дел сегодня ещё!..

– А то давай, – по обыкновению мягко, но напористо настаивал Игорь. – Пятничка как-никак, к тому же наш мэтр хочет тебя лицезреть.

– Какой мэтр?

– Ну пойдём, увидишь. Давай, Дэнвер, пошли.

В кабинете Игоря сидел Дегтярёв. Вообще-то невысокий, не слишком полный, он всегда казался Чащину великаном – мощный, монолитный какой-то, словно валун, придавливающий всё вокруг. К тому же носил чёрную одежду – просторная кожаная куртка, чёрные брюки, чёрные большие ботинки; короткая стрижка и подкрученные усики делали Дегтярёва похожим на пожилого, но всё ещё непобедимого борца Ивана Поддубного...

Он появлялся в редакции время от времени, приносил статьи о своих давних путешествиях по Карелии, Мезени, Волге, показывал пожелтевшие, с обломанными углами фотографии: байдарки, мужественные парни несут убитого кабана на шесте, девушки с задорными лицами и страшными коленками стоят над пенящимся горным потоком... Иногда Игорь печатал дегтярёвские материалы в разделе «Туризм и отдых» под рубрикой «Далёкое – близкое».

– О-о, здоров, Дениска! – колыхнуло застоявшийся, с запахом коньяка, воздух приветствие.

– Добрый вечер, – кивнул Чащин и протянул руку.

Дегтярёв с нажимом, показывая, что ещё в силе, сжал её, тряхнул, отпустил. Кивнул по-хозяйски на соседний стул.

– Присаживайся.

На столе для совещаний – ополовиненная бутылка армянского коньяка с четырьмя звёздочками, разломанная плитка шоколада, грубо порезанный лимон...

– Та-ак. – Дегтярёв деловито наполнил стопки.

Выпили за встречу. Чащин передёрнулся от медленно сползшей вниз по пищеводу маслянистой, жгучей жидкости, скорее соснул ломтик лимона. Привычно подумал про коньяк: «Палёнка».

– Значит, Игорёк, посмотришь? – наверное, завершая беседу один на один, уточнил Дегтярёв. – Материал уникальный. И никто про эти болота не знает всей правды...

– Какой разговор! – перебил Игорь. – Обязательно. Вы ж знаете, Геннадий Борисыч...

Но тот словно не услышал:

– И посреди островка – храм пятиглавый, с двумя приделами. Красота-а! Как камень туда доставили, железо, остальное – уму просто непостижимо. Там вокруг топи страшные...

– Хорошо-хорошо, Геннадий Борисыч, завтра же посмотрю. Наливайте.

– Эт пожалуйста. Фотокарточки только не посеи.

Чашину было неуютно рядом с Дегтярёвым, да и вообще тяготило общение с такими вот, считающими себя крепкими, но уже чувствующими близкую немощь и пытающимися доказать, что они ещё не развалины, мужчинами.

В пятидесятые годы Дегтярёв служил в военной авиации на Дальнем Востоке, совершил какой-то подвиг, о котором, правда, не любил рассказывать, но за который был удостоен ордена и получал теперь приличную пенсию. Об авиации, правда, Дегтярёв почти не вспоминал, зато о былых походах, поездках в глухие уголки Союза, которыми увлёкся, перестав летать, – при каждой встрече... Игорю он был чем-то симпатичен, интересен, потому начальник и привечал его, печатал явно нерейтинговые очерки, никогда не отказывался выпить вместе.

– Как Новый год-то отметили? – прожевав кусок шоколада крепкими, наверняка искусственными зубами, спросил гость.

Игорь пожал плечами:

– Я дома, с семьёй.

– И не ездили никуда?

– Нет... Отсыпались.

– Зря, зря. – Дегтярёв повернулся к Чашину: – А ты чего?

– Я? – Чашин попытался вспомнить, что делал в Новый год; ничего особенного не вспомнилось, и казалось, что с новогодней ночи прошло не полмесяца, а полгода. – Тоже так...

– Эх, ребятки, зря вы жизнь свою маринуете. Потом ведь жалеть начнёте. Сели бы в поезд тридцатого – и вперёд. И где-нибудь в Архангельске, в Кандалакше, среди снегов белых...

– Гостиницу надо заказывать, – сказал Чашин.

– Да зачем?! Вот это вас и губит – гостиницы, расчёты, подсчёты. Приключения ведь нужны! Вот я как-то с бутылкой шампанского, один совсем, десять минут до курантов, в Чухломе очутился. Избушки в сугробах, собаки даже не лают... И, думаю, чего? Остановился у домишки одного, а там уже празднуют. Взял и постучался: «Можно с вами, товарищи?» И так встретил год, на всю жизнь память. С такой, кстати, девкой познакомился – до сих пор душа прямо...

– М-да, – сладковато и грустно вздохнул Игорь. – Молодец вы всё-таки, Геннадий Борисыч, ваше поколение. Куда-то ехали, что-то видели.

Чашину захотелось возразить – сказать, что и их поколение тоже поездило, повидало немало. Но Дегтярёв опередил:

– Да тут не от поколений зависит. Везде есть свои тюфяки и свои... такие. Вот Дениска же тоже всю Русь исколесил. Помнишь, рассказывал? Зря, что теперь заkis, жиреть даже начал. Смотри, сердце посадишь, на жопе-то сидя!.. Нет, но среди наших, конечно, больше романтиков было. И жизнь, ребятки, живее была.

– Ну, за романтику! – поднял стопку Игорь. – Обещаю, в апреле возьму своих – и... как там? – в Кандалакшу.

– И отлично, – заулыбался Дегтярёв. – Детям полезно. Там такое море, ребятки! После Чупы заливы начинаются, острова, озёр полно. А рыба!..

– Вот мы вас возьмём, Геннадий Борисыч, проводником. Я порыбачить когда-то любил.

– Да нет, Игорёк, я уже – всё. – Дегтярёв помрачнел, постарел мгновенно. Стало видно, что ему за семьдесят и тайком от всех он наверняка принимает какие-нибудь сильнодействующие лекарства... – Я отъездился.

– Что так? Здоровье?

– А, не в одном здоровье дело... Давайте-ка. – Дегтярёв выпил, пожевал лимон и совсем по-стариковски стал жаловаться: – На Новый год-то подарок нам какой сделали. Паразиты. Всё тянут из людей и тянут... Мне ещё терпимо, а обычным-то... Обложили со всех сторон.

– Это вы про отмену льгот? – спросил Чащин – мельком видел на днях по телевизору, как пенсионеры перекрывают дорогу, толкаются с кондукторами, митингуют.

– Ну да, про неё. Отрезали нас – подышайте. Какие-то гроши пообещали. На них и в метро не проедешь...

Игорь сочувственно вздохнул, а Чащин глянул на часы:

– Шесть. К сожалению, мне пора. Встреча... – И приподнялся.

– погоди ты, Дениска! Ты что?.. – Дегтярёв гневно поднял брови. – Сейчас добьём пузырьёк-то.

И Игорь поддержал: выпьем и разойдёмся.

Чащин сдался. Честно говоря, лень было возвращаться в свой кабинет, ждать, пока компьютер отключится, потом спускаться на улицу в холод, идти одному до метро... Крошечная порция коньяка быстро дала о себе знать – стало легко и умиротворённо, и ласковый шепоток внутри обещал от этой пустой вообще-то, ненужной посиделки чего-то особенного.

Выпили на этот раз, по предложению Игоря, – за справедливость. Дегтярёв шумно, как после водки, выдохнул, бросил в рот шоколад. Посопел раздумчиво, сказал:

– Да, сейчас разойдёмся, и не знаю, встретимся ещё, нет...

– Генна-адий Борисыч! – просительно перебил Игорь.

– погоди. Я пожелать хочу... Пожелать вам хочу, чтоб не забывали, что вы – мужики. Сейчас всячески мужиков изводят. Превращают... даже не знаю в кого. Во что. И пресса эта, и телевизор. Вон – сплошь в бабских нарядах, в колготках. Тьфу! А книги... Я у внука беру книги, которые модные, смотрю – и что ни мужик там, то обязательно слизь какая-то, эти, как там их... метросексуалы сплошные. И везде это, это... Согласны, нет?

– Ну, не всегда, – мягко возразил Игорь. – Бывают нормальные. «Бойцовский клуб» я тут читал.

– И чего? Я тоже читал. Взбесившиеся педики там, а не мужики. Да и исключения, как говорят, только правило подтверждают. А правило: мужик – это мутант какой-то безвольный со слабыми признаками самца. Вот такого мужика нам суют.

«Чего он с цепи сорвался?» – подумал Чащин и сам же подлил масла в огонь:

– Но что делать – искусство, как говорится, жизнь отображает.

– А, перестань, Дениска! Это пускай фотографии жизнь отображают, а задача искусства – людей воспитывать. Делать их.

Чащин хмыкнул.

– Что такое?! – возмутился бывший военный лётчик. – Не так, что ли? М?.. А иначе, понимаешь, нельзя. Они-то, которые эталоны лепят, они знают, что делают. Вот они – воспитывают... меньшинства все эти, трансвиков.

– Ладно, – перебил Игорь, – это проблема сложная, голову можно сломать. Мы, по крайней мере, в своём журнале стараемся...

– Мало! Хорошо, что стараетесь, но мало этого.

– Да... Ну, давайте, коньяк выдыхается.

Чащин снова посмотрел на часы. Десять минут седьмого. Нужно вскочить, сделать вид, что торопится. И уйти. Но – что делать дальше? Что делать дома в таком состоянии – слегка, но уже ощутимо, выпившим? Догоняться? В телевизор уставиться?.. Зря начал.

– Нет, всерьёз-оз мужиков изводят, обабливают, – завёл по новой Дегтярёв. – А всё это, я считаю, с шестидесятых началось. И в кино появились додики, нытики всякие, и в литературе стали мудаков прославлять. Как им, бедным, трудно живётся, как они себе места не могут найти. Нянькались и донянькались. Теперь по телевизору мужика в юбке чаще увидишь, чем бабу. И всё притирки для них рекламируют, кремы до бритья, после. Гели, муссы. Тьфу, твою мать!

– Да вы уже перебарщиваете, Геннадий Борисыч, – улыбнулся Игорь. – Что плохого в креме?

– А с малого всё, с малого начинается. Сначала попрыскался, потом помазался, а потом – колготки. Я вот тут про Север статью писал, и Казакова решил полистать, чтобы, эт самое... Ну, подзарядиться маленько. В молодости, конечно, читал, очень нравилось. Из-за него, в принципе, и стал путешествовать. Из-за рассказов его... И тут, – Дегтярёв покряхтел, – тут наугад открываю «Осень в дубовых лесах»... Читали?

Чащин с Игорем покивали не очень уверенно... Когда-то, по совету отца, Чащин пытался читать Юрия Казакова, но показалось скучно. Лишь рассказ «Некрасивая» запомнился и увиденное где-то в дневниках слово «башли». Чащин долго удивлялся, что оно, оказывается, такое давнее...

– Да ведь это же жуть настоящая, если вдуматься! Рассказ этот... Шестидесят первый год, кстати, – показательно. Вот он, первый, считай, представитель современного мудака. Слизняк с мошонкой.

– Геннадий Борисыч, не ругайтесь, – поморщился Игорь, как-то спешно разливая остатки коньяка.

– Да как не ругаться?! Тут взвыть хочется. Не ругайтесь... Я вот, конечно, против цензуры, но подлецов обаятельных запрещать надо без всякого. Вот этого казаковского...

– Почему он подлец-то? Нормальный лирический рассказ. Грустный.

– А ты вспомни, вспомни, Игорёк, в чем там суть. Приезжает к нему женщина с Севера, хорошая женщина, чистая, серьёзная. А он где-то тут на Оке домик снял, к роднику за водой ходит... лебёдушка. И вспоминает, как они в прошлый раз время проводили, когда она приезжала в Москву к нему. Женщина эта, поморка, она считала, что уже жена ему, а он её по холодным улицам таскал, чтоб место найти, где вдуть. К знакомым затащить не получается, с лавочки на Тверском гонят, в лесу за городом тоже не получается. Она в конце концов спрашивает: «А почему нельзя у тебя дома?» А этот герой, так сказать: «Там мама, папа. Нельзя». Хе-хе! Мальчик двенадцатилетний.

– Ну, наверное, действительно нельзя, – сказал Игорь. – В этом и смысл.

– Да брось! Смысл в том, что он мудака. Мудака и подлеца. Ему с этой женщиной на Белом море хорошо было, удобно, он её из вежливости в Москву пригласил, а она взяла и приехала. С чемоданом. И вот он вертится... Понятно, почему к себе не ведёт: мама с папой в обморок свалятся – она же не пара ему, столичному... В итоге сажает в поезд и вздыхает – слава богу, отделался. Не подлец, скажи? А, Дениска, как?

– Не знаю. – Чащин пожал плечами; он в самом деле не знал, что ответить. Как следует не мог представить такую ситуацию.

Бывший лётчик горько передразнил:

– Не знаю. Это-то вас всех и губит – не знаю... Знать надо, твёрдым быть. А такие вот рассказы и размягчают: вроде так, а вроде и этак... И вот она снова приехала, он её поматросит, а потом опять отправит. Зачем ему? Поживёт в избушке, а на зиму – домой, в Москву, к батарее. А её – обратно. А она-то – настоящая. И она унижается так, потому что

любит, верить хочет, что он хороший. Что и он настоящий. Мужик... Эх-х. – И, не чокаясь, Дегтярёв выпил. – А теперь такие – главные герои у нас. Герои жизни! И дальше стремятся, к полному... Вон сколько их уже ходит...

– В Москве вообще трудно быть настоящим мужчиной, – заметил Игорь. – Мужиком, как вы говорите.

– Мужиком везде трудно быть! За это бороться нужно, как за всё в природе. А если ещё и педиков каждый день рекламировать, то – невозможно. Где, скажите, новый Урбанский, Рыбников, Жжёнов, Ульянов? Нету! Одни слащавые... А ещё удивляемся, почему это столько лесбиянок развелось. Да женщина на одного, другого слащавого напорется, а потом думает: да я лучше с себе подобной, она хоть не предаст и поймёт. И вы, ребята, – Дегтярёв пристукнул кулаком по краю стола, – прошу – требую! – осторожнее будьте. Засосёт эта зараза, и – конец. И не заметите сами, как колготки потянет примерить, глаза подкрасить.

Чащин поёжился. Вспомнилось, как лет в пятнадцать подводил глаза – тогда у неформалов это модно было. Глухонемые продавали на вокзале фотографии группы «Кисс», Элиса Купера, а в «Студенческом меридиане» появились изображения Кинчева, Цоя, Гребенщикова. И у всех – у одних густой, у других осторожный – был на лице грим. А Виктор Цой вообще походил на девушку – длинные волосы, бусы на шее...

– Ну что, Геннадий Борисович, – словно бы с сожалением произнёс Игорь. – Пора выходить. Правильно вы, конечно, всё говорите, но жизнь сложная штука.

– Кто ж спорит... – Дегтярёв взял пустую стопку, покрутил, пожимал в огромном кулаке и поставил обратно. – А слушайте, может, ещё по одной? У меня есть. – Потянулся к сумке. – И шоколад тоже... «Таблерон» настоящий...

– Не стоит, наверно, – для виду стал сопротивляться Игорь, глянул на Чащина. – Ты останешься, Дэн?

Поняв, что если не уйдёт прямо сейчас, то окажется дома поздно вечером, завтра будет болеть, и суббота пойдёт насмарку – стоны, головная боль, литры выпиваемой воды, тупое глядение в телик, Чащин вскочил.

– Нет, пора.

Быстро надел в своём кабинете пальто, выключил компьютер, выдернул из розеток все вилки. Двое суток он здесь не появится.

Пятницкая, как каждый вечер, была празднично оживлена. По тротуарам не быстро, а как-то с ленцой, прогулочно, двигались люди; по проезжей части тоже спокойно катили машины, приятно, аппетитно шурша снежной кашей. Кафешки попроще были забиты, а перед входом в престижные стояли небольшие очереди. Странные очереди из желающих провести пару-тройку часов в переполненном зале, съесть жареное мясо или паровой шашлык, выпить чего-нибудь и отдать за это несколько тысяч рублей. Правда, и Чащин несколько раз бывал составляющей частью этих очередей – торчал у дверей вместе с Игорем или с девушкой, которой было необходимо посетить «Последние деньги» или «Апшу» перед тем, как ехать к нему домой...

Чащин шагал к «Новокузнецкой». Он был приятно взбудоражен выпитым коньяком, предвкушением просмотра лучших боёв Майка Тайсона. Посмотреть и медленно, плавно уснуть... Но праздничное состояние окружающих быстро передалось и ему, и он вспомнил, что позади очередная рабочая неделя, а через два дня выходных снова нужно будет засесть в кабинете. И тоже захотелось как-нибудь отметить этот вечер – вечер пятницы, сделать что-то, чтобы остался в памяти... Позвонить кому-нибудь, встретиться, посидеть?

Отошёл на край тротуара, к кирпичной стене. Раскрыл мобильный, дисплей приветливо осветился... Глянул вверх и отшагнул, опасаясь сосулук. Завернул в ближайшую арку. Стал щёлкать кнопкой на телефоне, листая адресную книгу.

Номеров было множество, правда, почти все не для отдыха – автомойка, автосервис, рекламные агентства, продюсерские центры, телефон хозяйки квартиры, справочная «Альфа-Банка», справочная «Центела»... И в этом ненужном сейчас наборе мелькнула надпись «Виктория». Чащин рефлекторно щёлкнул дальше, появился новый номер очередной фирмы, но он тут же вернул прежнее. Да, Виктория... И, не давая себе времени засомневаться, нажал «ОК».

Слушая длинные гудки, смотрел на идущих мимо. Парни, девушки, женщины, мужчины, редкие дети и старики... Среди всех этих миллионов,двигающихся сейчас по сотням московских улиц, сидящих в сотнях кафе, в тысячах квартир, едущих в тысячах машин, Чащин был более-менее знаком с сотней. Даже девушки, которых время от времени приводил на ночь к себе, как-то быстро терялись в этих миллионах чужих, забывались. А с Викторией он поддерживал отношения не первый год. Специфические, конечно, отношения – примерно два раза в месяц по часу, по два, – зато стабильные.

– Аллё-о? – её тонкий, подчёркнуто-нежный голосок.

– Привет, Виктория. Как дела?

– Хорошо. А кто это?

– Это Денис. Помнишь?

– А-а! Привет-привет!

– С Новым годом прошедшим.

– Ой, спасибо! И тебя.

– Слушай... – Чащин почувствовал знакомое сладковатое волнение, которое появлялось всегда, когда готовился спросить о главном. – Слушай, можно приехать?

– Когда?

– Ну, сейчас. Я на «Новокузнецкой». Через полчаса буду. – Виктория жила у метро «Сокол»: шесть станций по прямой.

– Хорошо. И на сколько?

– Да как... Пока не решил.

– Нет, мне надо знать.

Чащин в уме подсчитал, сколько у него денег, и сказал:

– На два часа.

– Хорошо. Адрес помнишь?

– Конечно. Код – двести девять?

– Ага.

4

Выходные для него разделялись на две совершенно разные половины. Одна – суббота – была заполнена приятными делами, в ней происходили пусть мелкие, но важные события, воскресенье же обычно получалось днём пустым, длинным и скучным. За воскресенье Чащин успевал устать от безделья так, что в понедельник с радостью мчался на работу... Блоки из нескольких выходных, вроде майских праздников, приводили его в ужас, примерно на четвёртый день он готов был сотворить что-нибудь из ряда вон выходящее – или расколотить телевизор, по которому вечно шли не те передачи и фильмы, или выпить в одиночку, или взять гитару, надеть свой старый прикид, выйти на улицу.

Но суббота приносила Чащину радость. Он просыпался, как и в будни – привык, – в начале восьмого, но не вскакивал с дивана, а спокойно лежал, окатываемый лёгкими, тёплыми волнами дрёмы... Особенно приятно было весной, когда шторы постепенно, по одному, прокалывали лучи встающего солнца, наполняя комнату светом. Но и сейчас, зимой, эти субботние утра тоже были хороши – полутьма, тишина за окном, тишина за стенами, и в такие минуты ни о чём не думается, ничего не вспоминается, не представляется. Странное, редкое состояние покоя.

Потом, медленно ожив, но ожив какой-то малой своей частью, Чащин подгребал кучку дистанционок и вяло, смакуя эту вялость, выбирал, что бы включить: телевизор, ди-ви-ди, магнитофон, радио, компьютер; он начинал вспоминать, какая кассета в магнитофоне, какой диск вставлен в ди-ви-ди, пытался определить, что сейчас может идти по телевизору. И наконец, чаще всего наобум, жал на кнопку Play, убивал благодатную, но уже утомившую тишину и под звуки музыки или голос ведущего поднимался.

В холодильнике обычно ждал «Губорг». Несколько холодных, запотевших бутылочек. И ещё не умывшись, не почистив зубы, Чащин сдёргивал жестяную крышку, улыбался бодрому пуку вырвавшегося из бутылки газа и делал первый, самый сладкий глоток пива – заменителя будничного кофе...

В субботу он принимал не торопливый душ, а ванну. С пеной и морской солью, с листанием какого-нибудь забавного журнальчика. Бывало, даже дремал... Лежал в ванне долго, подпуская горячую воду, гоняя, как ватерпольные мячи, куски пены. Так же, часами, он играл в ванне в детстве, а потом был период, когда несколько лет даже не видел её – общага в Питере и армия – или по месяцу не имел возможности мыться – во время своих панковских скитаний. И потому, наверное, он очень ценил возможность без спешки, с удовольствием полежать в воде...

Готовить не любил. Всю неделю ел бутерброды или курицу-гриль, варил пельмени, сосиски. Но в субботу хотелось сделать что-нибудь необычное, замысловатое... По утрам он экспериментировал с омлетом – готовил его то с поджаренной, мелко нарезанной свиной, то с креветками, то с обилием лука и грибами; с зелёным горошком, сладкий, почти сплошь из помидоров.

После завтрака смотрел на часы. Не машинально, не бегло, а пристально, стараясь поделить циферблат на дольки, каждая из которых символизировала одно из предстоящих дел. Весь день ещё был впереди – большой, хороший, долгожданный. Его личный день... И Чащин надевал джинсы, свободный, грубой вязки свитер, доставал из тайника наличные деньги и шёл на рынок.

Рынок располагался рядом, на Фруктовой улице. Огороженная павильонами и тонарами территория размером с футбольное поле. За шесть лет Чащин успел познакомиться со многими торговцами и не боялся, что ему подсунут тухлятину или кусок мякоти, усеян-

ный раскрошенными костями. И почти автоматически он набивал пакеты обычным набором: немного свинины, немного баранины, розовая, аппетитная говядина, немного телячьей печени, филе индейки. В одном из тонаров торговали полуфабрикатами. Недорогими, но качественными. Чащин любил манты, говяжьи рубленые бифштексы, замороженные овощные смеси... Остальные продукты предпочитал покупать в супермаркете «Копеечка».

Возвращался домой медленно, с удовольствием приподнимая и опуская тяжёлые, туго набитые пакеты – ему редко приходилось прикладывать физическую силу, и иногда он начинал понимать тех, кто регулярно посещает тренажёрные залы. Платить деньги за то, чтобы тягать штанги и качать железные блины на тросиках, Чащин был не готов, но об утренних пробежках и зарядке подумывал.

Заносил покупки домой и тут же опять выходил на улицу. На этот раз шёл в винный магазин «Ароматный рай», выбирал пару бутылок чилийского или аргентинского красного сухого вина; в одном ларьке покупал несколько бутылок «Туборга», пакетики с сушёным анчоусом, а в другом – хлеб. Теперь он был готов к автономному существованию в квартире два дня и обеспечен питанием на будущую неделю.

Уже чувствуя лёгкий голод, Чащин резал часть свинины на большие куски, засыпал специями и принимался за уборку. Было приятно знать, что, наведя порядок, он быстро пожарит мясо и откроет вино... Быстро, но тщательно, не халтуря, стирал пыль с телевизора, мебели, подоконников, пылесосил, мыл пол в комнате. Затем перемещался в прихожую, оттуда – на кухню. Заканчивал туалетом и ванной. Часа в три дня готовил обед, приносил его на подносе в комнату, включал телевизор.

Правда, телевизор чаще всего разочаровывал. Не то чтобы на шестнадцати доступных Чащину каналах нечего было смотреть – просто он начинал искать лучшее, наконец находил какой-нибудь интересный фильм, а когда тот прерывался рекламой, щёлкал дистанционной дальше, находил другой интересный фильм или передачу, потом пытался вернуться обратно, по пути обнаруживал ещё что-нибудь, что увлекало... Эта чехарда утомляла, и в итоге приходилось гасить экран, копаться в дисках или видеокассетах, путешествовать по радиостанциям...

Вечером, внешне через силу, Чащин садился за компьютер, загружал одну из тех игр, в какие обычно играл. И до поздней ночи, изредка отпивая из бутылки выдохшееся пиво, бросая в рот крошечного анчоуса, строил очередную цивилизацию, отбивался от врагов, захватывал соседние острова, укреплял их крепостями или забирался в тыл гитлеровских войск, взрывал мосты, освобождал военнопленных, громил подземные лаборатории... В конце концов, приятно обессилив, переползал на удобный, купленный им самим в «Икее» диван и засыпал.

А воскресенье было длинным, тягостным, пустым днём. Чащин слонялся по своей маленькой квартире – ни смотреть телевизор, ни играть на компьютере, ни читать не хотелось. То и дело попадалась на глаза стоящая в углу гитара, тянуло к окну – посмотреть, что там происходит снаружи, и, может быть, выйти; дисковый, восьмидесятих годов телефонный аппарат, казалось, перемещался вслед за Чащиным, всячески намекая, чтобы снял трубку, кому-нибудь позвонил. И спасением становились спортивные передачи. Теперь даже удивительно было, непонятно и дико, как ТВ существовало без отдельного спортивного канала.

В детстве, наверное, подражая отцу, Чащин увлекался футболом и хоккеем. Смотрел трансляции, играл с пацанами во дворе; ещё не в памяти, а в ощущениях осталось чувство трагедии, когда футбольный «Спартак» рухнул в первую лигу, когда наша сборная по хоккею проиграла чемпионат мира чехословакам. И потом, когда Чащин слышал фамилии Третьяк, Якушев, Михайлов, Черенков, Сулаквелидзе, Эспозито, Платини, приятно теплело в груди, и он на мгновение погружался детство... Но лет в четырнадцать узнал рок-музыку, поэзию,

стал читать серьёзные, переворачивающие душу книги и к спорту потерял интерес. На предложения отца посмотреть какой-нибудь матч лишь хмыкал сочувствующе-презрительно и уходил к себе в комнату, слушал злые и честные песни или читал про Мартина Идена, Раскольникова, о семи повешенных...

Опять заинтересовался спортом недавно, когда стал жить так, как сейчас. На работе, во время перекуров, часто завязывались разговоры о футболе, об Олимпийских играх, в их журнале появлялись анонсы самых ярких спортивных событий недели.

Поначалу Чащин смотрел лишь футбол и хоккей, а потом открыл для себя лыжные гонки, биатлон, бег, прыжки с шестом, бокс, теннис. На последней зимней Олимпиаде не мог оторваться от соревнований по кёрлингу – катание камней по льду оказалось в сто раз интересней и сложнее бильярда... Но спортивные передачи, хоть и помогая более или менее терпимо пережить воскресенье, не прибавляли сил – скорее иссушали, высасывали энергию. И, несмотря на все ухищрения, этот день оставался для Чащина тяжёлым, неприятным, лишним.

Лучше бы это произошло в воскресенье, а не вечером в субботу. В воскресенье он, наверное, был бы даже рад такому вообще-то малоприятному, но необычному происшествию.

Сидел за компьютером, сжимая в правой руке мышку, а левой осторожно подавливая на клавиши, стараясь провести своего героя мимо сторожевых вышек фашистов, чтобы взорвать склад с боеприпасами. И в этот момент в дверь позвонили.

На площадке стояла невысокая, немолодая женщина в очках и потёртой лисьей шапке, пальто накинуто на плечи, а под ним странная, резиновая, кажется, блуза... Радостно глянула на Чащина, потом на номер квартиры и изобразила удивление:

– Ой, это шестьдесят седьмая! Простите. Нам в шестьдесят девятую... – И тут же сменила тон с извиняющегося на просительный: – Молодой человек, вы бы не могли помочь? Если всё равно так случилось... Соседку вашу спустить.

– В смысле?

– Я из «Скорой помощи». Врач. Соседку вашу госпитализируем. Из шестьдесят девятой. А некому... Её спустить надо вниз. В машину.

– Ну ладно, хорошо. – Чащин стал прикрывать дверь, женщина схватилась за ручку.

– Вы правда поможете?

– Ну да. Оденусь только.

Их дом был зигзагообразной формы. В каждом крыле по четыре квартиры, а в центре этажа-зигзага – лифт. Соседей в своём крыле Чащин знал в лицо, а в другом ни разу не бывал, даже никогда не заглядывал. Конечно, сталкивался с кем-нибудь из его обитателей у лифта, но утверждать, что этот человек живёт в такой-то квартире, а этот – в такой-то, не мог. Шестьдесят девятая находилась не в его отсеке. Чужая, неизвестная территория.

Шагнул – дверь была настезь – в тёмную, забитую коробками, палками, мешками прихожую и тут же попятился обратно. Пахло тяжело, удушливо прелью, лекарствами, чем-то скисшим, гниющим. К тому же увидел часть комнаты, как раз ту, где одевали старуху. Чащин её узнал – раньше постоянно торчала на лавочке возле подъезда. Сейчас над ней, сидящей на табуретке, хлопотал сухощавый, седоватый мужчина, тоже уже почти старик, – пытался вдеть старухины руки в рукава кофты. Рядом – врачиха с ворохом одежды. Оба тихо, зловеще приборматовывали, будто читали молитву для мёртвых, старуха же при каждом прикосновении к себе стонала, но стонала не горлом, а как-то утробно, глубинно... Казалось, это из неё растекается удушливый, отравленный, заразный запах.

На площадке Чащин несколько раз с силой хыкнул, стараясь выбить из лёгких воздух квартиры. Прислонился к стене, прикрыл глаза... Может, сбежать? При чём он-то здесь? Вернуться к себе, запереться...

Скрежетнули замки в двери с номером семьдесят два. На пороге появился молодой – хм, тоже молодой – человек в хорошем пальто и тренировочных синих штанах; в кроссовках. Увидел Чащина, приостановился.

– Что, там?.. – кивнул на открытую дверь.

Чащин пожал плечами.

Молодой человек обернулся:

– Я сейчас, зая. Замкнись.

– Побыстрее только. Ладно? – приятный, почти детский голос в ответ.

Чащину представилась миниатюрная девушка в халатике. Слегка припухшее от долгого сна личико, гладкие ноги, тёплая ложбинка между грудей. Коротко, больно кольнуло что-то похожее на тоску. И тут же исчезло: вспомнил жену (или подругу) этого молодого человека – встречал несколько раз возле лифта и у мусоропровода. Ничего хорошего...

Стояли с молодым человеком почти напротив друг друга, стараясь глядеть в разные стороны, друг друга не замечать, и одновременно друг друга изучали, отмечали каждое движение. Как в коридоре поликлиники или в ГАИ.

«А можно познакомиться, – неожиданно пришла Чащину мысль. – Также наверняка сидит где-нибудь в офисе. Не грузчик, по крайней мере, из универсама... В гости ходить то ко мне, то к нему... к ним. Футбол вместе смотреть». Он усмехнулся этой идее; молодой человек вздрогнул, метнул на него взгляд и уставился куда-то под потолок. Переступил с ноги на ногу.

Шаги в шестьдесят девятой. Торопливые, сбивчивые. Лицо врачихи.

– Ой, хорошо как! Молодцы, ребята!.. Проходите-проходите, мы готовы.

Квартира была двухкомнатная и когда-то, кажется, неплохо обставленная. Широкая и высокая, от потолка до пола, стенка с остатками сервизов и хрусталя, огромный советский телевизор «Рубин» с фанерными боками, толстоногий обеденный стол, диван, кресло. На полу бесцветный от соринков ковёр... Но всё это было загромаждено бесчисленными коробками и мешками, кусками линолеума. И пахло, как и в прихожей, – едко, тошнотворно; так пахнет от бомжей в подземных переходах.

– Спасибо вам, парни, спасибо! – залепетал полустарик и потянул старуху с табурета: – Давай, подымайся. Пошли.

Старуха, белоголовая, с розовыми проплешинами, нетолстая, но оплывшая, охнула. Показалось, осела ещё грузнее.

– Ребята, берите её под руки, – стала руководить врачиха. – Совсем сил у неё нету. До машины бы довести хоть как-нибудь.

Чащин подошёл с правой стороны и взял за предплечье. Молодой человек – слева. Приподняли. Сделали шаг к двери. Старуха не шагнула, а стала валиться вперёд. Чащин сжал её крепче обеими руками, а молодой человек поступил смелее – обхватил старуху за поясницу...

Она сдавленно стонала, подбородок дрожал, но – Чащин с жутью чувствовал это – ни одна жилка в её руке не напрягалась. Там, под кожей, было не по-живому мягко. И, казалось, стоит потянуть сильнее – рука оторвётся, как крыло разваренной курицы.

Кое-как довели до лифта. Полустарик подставил под старуху табурет. Её посадили, но продолжали держать. Врачиха переминалась, прислушиваясь, едет лифт или нет, и какой – грузовой, пассажирский. Потом вдруг встрепенулась, возмущённо сказала полустарику:

– Квартиру-то закройте! И оденьтесь. Вы же с ней поедете. Оформлять.

– А, ну да, ну да! – Он убежал, вернулся в серо-зеленом плаще...

Старуха была совсем не похожа на ту, какой Чащин привык её видеть. Шесть-пять-четыре-три года назад она, крупная, с завивкой на голове, сидела возле подъезда и подозрительно смотрела, как он выходит из дома или входит, что у него в руках. Однажды, после

взрывов домов, как-то даже поинтересовалась, что несёт в большой сумке – Чашин как раз шёл с рынка, – и она перегородила ему путь в подъезд; пришлось вынуть кусок мяса и потрясти у неё перед глазами. Тогда только успокоилась... Иногда он видел, как старуха тащит от мусорных контейнеров какие-то свёртки, фанерки, старые плитусы, стулья, треснувшие цветочные горшки. Был случай – Чашин столкнулся с ней у мусоропровода; соседи делали ремонт и загромоздили подъездный закуток ломаной мебелью, рваным ковролином. Старуха копалась в этом хламе; увидев Чашина, попросила-потребовала переставить коробку с битой плиткой, чтобы пробраться в глубь завала. Он отказался, она обозвала его как-то обидно.

Если бы знал, что это она живёт в шестьдесят девятой, наверняка отказался бы. Хотя... Сейчас она стала совсем другой – бессильной и жалкой, и в лице появилось что-то беззащитно-просительное, как у совсем маленького ребёнка, которого незнакомые люди несут неизвестно куда, и, боясь кричать, он взглядом просит не делать ему плохо, принести обратно к родителям. На улице Чашин натёкался иногда на такие взгляды младенцев и стариков...

Последние года полтора её не было видно; Чашин про неё и забыл. Но, оказывается, она продолжала жить в своей квартире со своим мужем (или кто ей этот полустарик в плаще), продолжала, может быть, копаться в мешках и коробках, перебирая накопленное добро. И вот – окончательно обессилела... А что она делала, какой была десять лет назад? Двадцать? На вид-то ей не так уж и много – слегка, наверно, за семьдесят.

Первой из лифта выбежала врачиха, спустилась по короткой лестнице к стальной двери на улицу. Чем-то её закрепила. Закричала водителю:

– Сергей! Серёжа, открывай приёмник! Носилки выкатывай! – Потом Чашину и его напарнику: – Ведите сюда.

Ступеньки оказались самым трудным участком. Ноги старухи подгибались, она заваливалась то назад, то вперёд. Чашин почувствовал, что сил держать и одновременно передвигать её уже не хватает.

– Блин, – выдохнул давно забытое слово. – Не получится.

Молодой человек тоже заметно устал и с готовностью отозвался:

– Да. И как?..

– Чёрт его знает. – Чашин оглянулся на полустарика в плаще, тот затравленно улыбнулся.

Оставалось ещё пять ступенек (три они кое-как преодолели), а там – прямоугольник дверного проёма, через который в подъезд надувает морозный ветерок. На улице, слева, – та самая лавочка с высокой удобной спинкой, на которой любила сидеть старуха... «За руки бы, за ноги», – пришла мысль, и опять возникло ощущение отрывающегося крыла разваренной курицы...

Вернулась врачиха, с начальническим недоумением воскликнула:

– Ну что вы, ребята?! Ведите...

– Как вести? – неожиданно раздражённо, во весь голос спросил молодой человек. – Уроним. Она не идёт совсем.

– Да?.. – Лицо врачихи стало туповато-растерянным; так они все стояли, не зная, что делать, довольно долго. Чашин не вытерпел:

– Давайте быстрее. Отпустим сейчас...

– А я что могу?! – взвилась врачиха. – Я понесу, что ли?!

– Вы не орите...

Врачиха снова выбежала на улицу:

– Сергей, иди сюда! Быстро! Сере-ожа!

– Ну и попали, – шёпотом проворчал молодой человек. – С какой вообще радости...

И Чащин зачем-то сказал:

– Лет через тридцать, может, и нас так же будут.

Вошёл водитель в синем комбинезоне. Лет сорока пяти, крепкий, хмурый. Коротко и деловито осмотрелся, оценил ситуацию. Стал подниматься.

– Просил же эластичные носилки выдать, – вздохнул устало. – Нет, не хватает у них, видишь ли... А как без них... Ладно. – Не дойдя двух ступенек, повернулся к старухе спиной. – Ложите на спину и с боков держите. Крепко только, а то соскользнёт.

Он согнулся, и на его спину Чащин с напарником опустили старуху. Та издала особенно жуткий стон, вроде бы даже попыталась сопротивляться – под кожей задвигались какие-то живые ниточки. Но тут же снова обмякла.

– Поехали. – Твёрдо ставя ноги, посапывая, водитель стал спускаться.

В дверном проёме возникла новая сложность – идти так, как по лестнице, не было места. Но всё же удержали, миновали благополучно. А там ещё ступенька и стоящие наготове высокие носилки. Чащин с молодым человеком опустили старуху на них.

– Ох-ха-а, – выпрямился водитель, поиграл торсом. – Молодец, бабуля, даже не намочила. – И подмигнул ей: – Ниче, ещё поживём, всех их помучаем. А?

Носилки закатили внутрь белой с красной полосой на боку «Газели».

– Ну вот, – врачиха облегчённо вздохнула. – Слава богу.

– Табуретку там... отнесите, – попросил полустарик. – Оставьте у двери. А то ведь... – Полез вслед за носилками.

Не дожидаясь благодарности и новых просьб, Чащин побежал домой... Позже, вспоминая, с чего началась кутерьма, неразбериха, он определил именно этот вечер: неожиданно, среди, казалось бы, непоколебимой, с запланированными развлечениями, заранее известными тяжёлыми днями, размеренности жизнь вдруг угрожающе вильнула. И пошли заносы, юз, пробуксовки, бешеная тряска, опасность перевернуться и слететь под откос.

5

Проснулся от холода. Нет, телу было тепло, даже жарко под толстым, непривычно мягким одеялом, а лицо окоченело, ноздри щекотал мёртвый, недомашний воздух.

Не открывая глаз, Чащин натянул одеяло на голову, поджал ноги и почувствовал себя защищённей, уютней. Но сон не возвращался, крепла, становилась острее тревога: «Почему холодно? Форточка, что ли, открылась? Отопление отключили?» И он осторожно выпутался из одеяла.

В комнате было не по-московски темно, даже окно не различалось, но в прихожей горел свет, и Чащин услышал доносившийся оттуда негромкий, но звонковатый треск. Так трещит под лезвием топора отщипленная, просохшая лучина. Этот звук он слышал давным-давно, в детстве, и сейчас испугался.

Сел, уже не обращая внимания на холод; под ним пискнула сетка железной кровати. «У меня же диван»... И воздух был необычный – смесь странных, забытых, но родных запахов.

– Что ж это за зима-то такая, – услышал он беззлобное, покорное стариковское ворчание, – морозит и морозит. И угля осталось – не знаю, назавтре наскребу, нет.

– Пускай поморозит... Весна, значит, будет дружней, – так же покорно отозвался другой голос, одышливый, идущий с усилием, но громко. – Затопляй давай, изба промёрзла... вода вот ещё в системе схватится...

– Не дай бог!

Зашуршала сминаемая бумага, что-то скрипнуло, поскребло. Потом, Чащину показалось, оглушительно, чиркнула спичка.

– Заслонку-то отодвинь! Счас задымишь тут всё.

Дрожа, сам не понимая, от страха или от холода, Чащин поднялся, завернулся в огромное и тяжёлое одеяло и по ледяному полу босиком быстро вышел на свет.

Это оказалась не прихожая, а кухня в избе у бабы и деды. И он увидел высокого худого деду, стоящего у белёной печки, и бабу, большую, полную, в бордовом шерстяном платье и зелёном платке с золотыми нитями, сидящую у овального стола. Чащин увидел себя в мутном от старости зеркале над умывальником – там он был низеньким, худеньким, со взъерошенными волосами и пухлыми щеками. Лет девяти. И его страх сразу исчез – наоборот, окатила радость нечаянной и, казалось, несбыточной уже встречи с теми, кого так любил, но с кем навсегда расстался. А вот получилось, не навсегда...

– Дениса, а ты чё проснулся? – забеспокоилась баба. – Сон страшный был?

Чащин, улыбаясь, мотнул головой.

– Замёрз? Иди полежи пока, счас дед натопит.

– Ты, это, на улицу-то не ходи, – серьёзно заговорил деда. – Вон в ведро сходи, не стесняйся. Мороз там, все причиндалы отщёлкнет. Злющ-щий мороз!

И бабушка закивала:

– Сходи, сходи на ведёрко. Сходи и ложися. Счас печку натопим, будем блинчики печь...

Чащин без стеснения сходил в огромное чёрное ведро для помоев, стоящее у порога. Пока журчал струйкой, смотрел, как шевелятся от рвущегося в избу мороза короткие волоски на полоске прибитой вдоль косяка оленьей шкуры.

– Ложися, ложися, Дениса, поспи. – Тяжело переступая на толстых, отёчных ногах, баба проводила его в кровать. – Ещё ночь совсем. Поспи маленько, а потом блинчиков напекём. Дед печку-то нашурует, и хорошо станет у нас, тепло-о. Ложися давай, а то ведь... Чего ж так рано...

Он послушно лёг, дал бабушке подоткнуть одеяло, с удовольствием слушал её, чувствуя, как голос убаюкивает, ласкает... Как когда-то.

– Я к блинам какавы сварю. В буфете-то остался «Золотой ярлык». С блинами вкусно... Потом будем читать. А почитаешь мне, в лавку ходим. – Баба называла магазин лавкой и ходила туда редко, зато покупала много чего.

Чащин представил-вспомнил их магазин – каменный, с полукруглым фасадом, высоким крыльцом из плитняка, на которое бабушка поднималась медленно, с передышками, а спускалась ещё медленней... Внутри магазина хозяйничал большой весёлый дяденька в синем фартуке. Он стоял за фанерной перегородкой, а в ящиках за его спиной пестрели крупы, сахар, ириски, печенье, пряники с глазурью; дяденька ловко сворачивал из серой бумаги кулёк и полукруглым совком сыпал в него то, что велела бабушка. Чащин всегда с замиранием ждал, что она выберет из сладкого. Бабушка не спрашивала, чего ему хочется, – наверное, понимала, что ему хочется всё – и шоколадных конфет, и печенюшек, и шербета, халвы...

Не заметил, как голос умолк. Но не спал. Находился на грани сна и несна. Ему продолжал видеться магазин, какие-то фантики, коробочки, треск кассы. Потом появился их двор с расчищенной тропинкой среди похожих на стены сугробов, коричневые будылья небранных подсолнухов в огороде и скелет теплички с обрывками целлофана; он улавливал запах пельменей и горлодёра, слышал журчание воды в плоском баке в стене между комнатой и кухней, чувствовал, как осторожно, мягкими волнами прокатывается по комнате тёплый воздух. И каждая волна была теплее, живее...

Долго не мог прийти в себя. Не верилось, что это был просто сон – таких ярких снов он давно не видел. Что-то, конечно, снилось, но тут же, стоило открыть утром глаза, забывалось, исчезало. А это вот осталось, даже под языком сохранился вкус горлодёра – смеси перетёртых хрена, помидоров и чеснока, – который Чащин не пробовал с детских лет; в комнате, казалось, пахло дымом, а кости слегка ломило от того дикого мороза...

Не вылезая из-под одеяла, Чащин подгрёб к себе кучку пультов. Выбрал от музыкального центра. Видеть сейчас людей на экране не хотелось. Включил радио. На уши мягко надавили частоты оживших динамиков, на секунду стало приятно-тяжело, как при торможении скоростного лифта. А потом раздалось до предела, с давних времён надоевшее:

И тот, кто не струсил, кто вёсел не бросил,
Тот землю свою найдёт...²

Ругнувшись, Чащин торопливо-нервно несколько раз ткнул кнопку переключения волн; за это, за то, что никогда не знаешь, что тебе предложат в эту секунду, он и не любил необходимые вообще-то телевидение и радио. Касалось это новых фильмов, книг – судя по рекламе, одно, а купишь, начнёшь смотреть или читать, и зачастую тут же тянет выкинуть... Продолжая ворчать, прислушался – приятный женский голос сообщал новости. Но сообщал как-то необычно, новости были невесёлые и странные, а женщина говорила слегка игриво, да ещё фоном – музыка:

– На Солянке задержаны двое неизвестных. Подозрение вызвала пишущая машина в руках у одного из них. При обыске задержанные оказались обмотанными шёлковой материей. Кому принадлежат машина и материя, пока выяснить не удалось... Вчера вечером над Харьковом пролетел большой метеор с крестообразным хвостом. Среди населения такое

---

² Андрей Макаревич, «За тех, кто в море».

небесное явление вызвало много толков. Большинство склонны видеть в нём скорые большие события на театре военных действий.

– Да что такое? – Чащин недоуменно посмотрел на пульт. – Что за бред?

А женский голос продолжал:

– В Средней Азии – небывалое падение цен на хлопок вследствие громадного урожая в Америке и полного отсутствия спроса из московского и лодзинского фабричных районов. Положение бухарских хлопкоробов критическое.

– Каких ещё хлопкоробов? – От этого, не слышанного лет пятнадцать слова Чащину стало не по себе. К тому же и сон, блины, которые наверняка по соннику что-то обозначают... Наверняка что-то зловещее...

Слава богу, радио перестало мучить-пугать, дало объяснение своим жутковато-абсурдным новостям – музыка заиграла громче, и сладковатый мужской голос произнёс:

– Московские старости. Сто лет тому назад.

Облегчённо отдуваясь, Чащин пошёл на кухню. Огляделся. Всё как всегда, вещи на своих местах... Достал из холодильника единственную оставшуюся со вчерашнего дня бутылку «Туборга», торопливо открыл, сделал глоток... Вчера выпил немного, но состояние было, как с глубокого похмелья. Из-за этой старухи соседки всё – и самочувствие, и сон... Бабушка с дедом умерли один за другим с разницей в полгода. После бабушкиных похорон дед сразу потерял смысл шевелиться, что-то делать – сутками лежал на кровати, забросил хозяйство. Родня по очереди приходила кормить его, стирать одежду, а когда он умер, начался делёж дома, добра. Родни было много, целая война разгорелась... У родителей Дениса в итоге оказалась только бабушкина шаль, швейная машинка и неподъёмная перина; избу продали чужим людям, а вернувшись из армии, Чащин узнал, что она сгорела. Погибло множество знакомых ему с раннего детства вещей, и само детство, казалось, отрезалось вместе с пожаром – у бабушки с дедушкой он гостил часто и подолгу.

Чащин не был на их могилах и вообще как-то забыл о них и об этих почти деревенских эпизодах своей жизни – свинье в стайке, коромыслах, фанерной лопате для снега, печке, дровах, огороде с крапивой вдоль забора... А тут вдруг приснилось.

И ведь бабушка с дедушкой тоже стали такими, как эта соседка. И тоже страшно быстро это произошло: весной бабушка засадила огород, а осенью уже не могла дойти до него, стояла и плакала от немощи на крыльце; дед всю жизнь что-то мастерил, обувь шил, а потом лёг – и всё. И казалось, глядя на них в последние дни, что ничего интересного у них в жизни не было, а всегда они были такими... И что лучше? На бегу умереть или так – полностью и неизвестно на что – исчерпав все, без остатка, силы?

С бутылкой пива Чащин вернулся в комнату. По радио уже шёл блок нормальных, актуальных новостей. Во Владивостоке подсчитывали число жертв пожара в здании ПромстройНИИПроекта, чеченское село Зумская подверглось ракетно-бомбовому удару федеральных сил, космический зонд «Гюйгенс» работает на поверхности крупнейшего спутника Сатурна...

Позавтракав, пошёл за пивом.

На улице было свежо, небо ясное, на редкость глубокое; не растоптанный ещё снег на тротуаре приятно хрустывал... Чащин остановился возле своей «девятки». Потянуло разблокировать дверь, сесть в салон, включить мотор. Счистить ледяную корку с лобовухи... Вообще, надо как-нибудь в выходные собраться и сгонять за город. Или в одном из ближних городков-музеев побывать. Ростов Великий, Сергиев Посад, Суздаль... Столько лет в Москве прожил, а почти ничего не увидел. Даже в Третьяковку не сходил ни разу. Надо как-то поактивней зажить...

Ларёк возле дома ещё не открылся – воскресенье, девять утра, – и пришлось идти в «Копеечку» на той стороне Варшавки.

В начале длинного подземного перехода стояла, согнувшись, старушка в тёмном одеянии и, глядя в книжку, напевала молитвы жалобной скороговоркой; проходя мимо, Чашин уловил несколько слов:

– ...Ты установил все пределы земли, лето и зиму Ты учредил...
«Учредил, хм... Библейское словцо».

У ног старушки стояла пустая консервная банка.

Раньше он часто ссыпал мелочь в консервную банку у ног старушки, сочувствовал ей. Но она стояла каждые выходные (а может, и в будни, но в будни Чашин здесь не бывал), и он решил больше не подавать. Понял: не для просвещения, спасения людей она здесь, а ради заработка. Переход – рабочее место, книжка – орудие труда...

На другом конце перехода высокий парень играл на гитаре знакомую, но подзабытую Чашиним мелодию.

Увидев приближающегося человека, с корточек вскочила девушка. Некрасивая, бесформенная, с цыпками на щеках. Как смогла приветливо заулыбалась, вытянула руку с засаленной бейсболкой, а парень запел, умело попав в нужный аккорд:

Пластмассовый мир победил,
Макет оказался сильней.
Последний кораблик остыл,
Последний фонарик устал...
А в горле сопят комья воспоминаний,
О-о, моя оборона!..

Да, песня была Чашину очень знакома – сам он тоже когда-то пел её в переходах...

...Солнечный зайчик незрячего глаза.
О-о, моя оборона!
Траурный мячик нелепого мира-а...³

Может, выгреб бы из кармана пальто мелочь, может, остановился бы и послушал, а потом заговорил бы с ребятами, такими похожими на него самого восьмилетней давности – с невымытыми волосами, в грязных толстовках с изображениями Егора Летова и Джонни Роттена; с горящими от голода и решимости изменить мир глазами. Да, заговорил бы, узнал, откуда они, где умудрились найти вписку в сегодняшней негостеприимной Москве, как вообще дела в России с андеграундом... Но парень пел так артистично, почти по-эстраднему, а девушка, сменив приветливую улыбку на жадную, чуть не совала Чашину бейсболку в лицо. И он брезгливо отшатнулся, ускорил шаг... Пение тут же прекратилось, чуть позже умолкла и гитара. Да, холодно попусту горло драть, резать пальцы о ледяные струны...

В «Копеечке» было пусто и тихо. Все, кому надо было набрать продуктов, сделали это или в пятницу вечером, или в субботу, сегодня же отсыпались, смотрели телевизор, наслаждались покоем в своих квартирах...

Загрузив корзину четырьмя бутылками «Туборга», Чашин остановился над огромным, похожим на бассейн горизонтальным холодильником. Из груды пёстрых упаковок выудил полукилограммовый пакет с мидиями. Подержал и тоже положил в корзину... Сейчас вернётся домой, засунет пиво в морозильник, сварит мидий, зарядит ди-ви-ди одним из любимых фильмов и отлично проведёт два часа. А там...

---

³ Егор Летов, «Моя оборона».

Но, подходя к кассе, решил, что поедет в гости, – сегодня необходимо было поговорить, пообщаться, – и даже выбрал к кому. Впрочем, и выбор был невелик... Сунул руку в карман за мобильным, чтоб предупредить. А что его примут – не сомневался.

6

С Максимом – Максом – они познакомились в Ленинграде, в строительном училище номер девяносто восемь. Макс был местный и слабо походил на пэтэушника – симпатичный, тонкокостный, культурный; матерился неумело и мало, в столовой ел только второе, а суп отдавал кому-нибудь из общажников.

Однажды Чащин попросил у Макса на вечер модные и дорогие очки-лисички, чтобы нормально выглядеть на концерте группы «Авиа». Очки перед концертом отобрали гопники, пришлось отдать Макс за них пятнадцать рублей. Взяв деньги, Макс повёл Чащина, Димыча и ещё двух-трёх одноклассников в пивной павильон у перекрёстка Народной и проспекта Большевиков. Хлебали горькое разливное «Жигулёвское», сосали сухую воблу до закрытия... Вскоре после этого Чащина забрали в армию.

Встретились три года назад – Макс появился у них в редакции, чтоб дать объявление о знакомстве с «милыми барышнями для делового общения с возможностью заработка»... Столкнулись в коридоре и сначала просто мычали, выпучив изумлённо глаза, вспоминая, как друг друга зовут... С тех пор иногда ездили в гости друг к другу.

С училищных времён Макс изменился почти неузнаваемо – полысел, пополнел, стал словно бы ниже ростом, говорил торопливо, всё время куда-то спешил, делал множество резких и лишних движений. И приключений у него за эти почти пятнадцать лет произошло столько, что на целую жизнь обыкновенному человеку хватит. И торговый бизнес в начале девяностых раскручивал, на бандитские стрелки ездил, и машину у него сожгли, чтобы заставить киоски в районе Технологического института по дешёвке продать, и «Мерседесы» из Германии перегонял, однажды в Польше его чуть не убили; и мясом он торговал, и героином, и в Крестах за мошенничество почти два года отсидел, получил четыре года условно; вышел, уехал в Москву, возил плавки и купальники в Сочи, а потом решил толкать девушек в Европу. Дал объявления в газетах и Интернете, и дело, кажется, пошло – недавно снял Макс квартиру в сталинском доме рядом с Белорусским вокзалом. В зале оборудовал студию – фонари на штативах, розовая драпировка, софа на гнутых ножках, в углу – стол с компьютером, какими-то шнурами, пультом. Во второй комнате находилась раздевалка для моделей и одновременно спальня...

И вот у него Чащин оказался сегодня в одиннадцать утра.

– Да-а, квартира ништячная, есть где развернуться, – то и дело повторял Макс и оглядывал зал удивленно-восторженно, будто это не Чащин приехал к нему в гости, а он к Чащину. – Но и плачу зато – штука грива! Каждое первое число по копыю наскребаю.

– Ну так – самый центр, считай. «Белорусская». И две комнаты. Ты как король...

– Нужно, нужно, Дэн. Для дела! Наконец-то выхожу на серьёзный уровень. Завязался с немцем одним. Солидный. Артур Саклагорски. Не слышал? У него агентство своё во Франкфурте, журнал. Журнал, прикинь! Вот я с ним завязался – фотки шлю, сейчас насчёт трёх тёлочек перетираем... – Макс озабоченно, но с удовольствием покряхтел. – Мне тоже бы надо журнал. Без него по-любому масштабы не те... Классные мидии! Где брал?.. Ведь есть же «Знакомства», «Распутин», «Невская клубничка». Вот это я понимаю!..

– Чем больше масштабы, тем больше риск, – заметил Чащин.

– Риск везде есть, всегда. Даже трусами торговать. На меня так наезжали там: ша в горы увезём, и никто не найдёт... Нет, без риска нельзя – без риска можно только в дерьме торчать. Согласен?

– Да вообще-то.

– Тёлки, правда... – в голосе Макса появилась досада, – геморно с ними. Каждую уговаривай, объясняй, учи. Большинство-то, блин, – коровы просто. Вроде худая, растянутая, а

запись посмотришь – корова. Ни движений, ни линий. Кусок мяса шевелится... И ещё претензии, каждый день звонят, на мыло пишут – как, чего, приняли? Да кому вы нужны такие!..

– Может, ещё пивка возьмём? – вставил Чашин; «Туборг» кончился, а мидий оставалось прилично.

– А?.. А, шас, шас сходим... И ещё такое, бля, прямо бесит – ты заметил? – они юбки перестали носить, платья. Все поголовно в штанах.

– Из-за погоды, наверно.

– Да ну! И летом так было. Джинсы сплошные. Одна из ста с голыми ногами. У меня сразу от таких, которые в юбках... Подбежал бы, у ног бы валялся! Пофиг – кривые, прямые, хоть какие, главное, чтоб женщиной выглядела. А джинсы... бесит просто. Я их тут даже спрашивать стал: «Чего вы все в штанах? Вы же женщины, у вас ноги есть!» И знаешь, что говорят? Всё одно и то же, как сговорились!..

– Что? – Чашин уже начинал жалеть, что приехал. Месяца четыре не видел Макса, забыл о главной теме его разговоров – девушках; в семнадцать лет Макс ими, кажется, и не интересовался...

– «В джинсах, – говорят, – себя чувствуешь по-другому. Уверенно. В джинсах я могу с вами на равных»... С нами... Козы, а!

– Давай я за пивом схожу.

– Сходи... Мне много не бери только. Всю ночь работать... Я обычно днём отсыпаюсь, ночью работаем. Ты меня, кстати, разбудил звонком своим.

– Извини.

– Да нет, нормально, что позвонил, что увиделись. Есть что вспомнить... А у тебя, слушай, тёлки есть симпатичные? Заработать можно неслабо.

– Не знаю...

– Ну как? – Макс усмехнулся. – Как не знаешь? Они или есть, или нет.

– Я за пивом схожу, и поговорим.

– Ладно, добро. Тут рядом магазин, с той стороны дома, в подвале. Мне две бутылки седьмой «Балтики». Больше не надо. Работать ещё...

Возвращаться не хотелось. И Чашин долго стоял у подъезда, курил, раздумывал, что делать дальше. Гулять по городу – холодно, на тротуаре уже не сухая корка, а перемешанная с реагентом снежно-ледовая жижа. По ней и до метро мученье дойти, не то что гулять... Ладно, иногда можно послушать. Даже забавно – в пятницу один к мужскому полу претензии предъявлял, сегодня этот – к женскому. Недовольные...

Спустился в магазинчик, купил пива. Себе три «Туборга», Максу «Балтики». Продавщица была симпатичная и явно расположенная к общению. Скучно, наверно, без клиентов... Чашину захотелось пригласить её. Просто так улыбнуться и сказать: «Приходи после смены в квартиру сто двадцать три. В этом же доме. Хорошо будет. Не пожалеешь». Но он отважился только на улыбку, сложил пиво в пакет и вышел.

Макс сидел за компьютером, громко хмыкал, возбуждённо бормотал, яростно стучал по клавишам.

– Давай проходи, – заметил Чашина. – Я шас. Весь ящик забили... Когда, когда... Когда надо, тогда и будет... Гляди, какая тыковка. Ух!

Чашин подошёл, заглянул в экран. На каком-то старом диване сидела голая девушка, широко раскинув ноги. Почти в шпагате. Её снимали чуть снизу, поэтому промежность казалась огромной, была видна во всех подробностях. Даже красные пятнышки раздражения после бритья... Девушка смотрела прямо в объектив, серьёзно, призывно.

– Откуда она?

– Ща-ас, – Макс свернул картинку, прочитал в письме: – Из Долгопрудного. Местная, считай. Оля... «Занимаюсь художественной гимнастикой, мечтаю работать фотомоделью»... Ничё?

– Особенно прыщи между ног.

– Эт не проблема. Хороший крем, и будет гладко, как... – Макс внезапно замолчал, продолжал щёлкать мышкой, жмуриться, глядя в экран, что-то читая, быстро набирал ответы.

Чащин побродил по залу, осмотрел софу с потёртой, поблёскивающей алой обивкой. Включил один из фонарей – в глаза ударил белый, обжигающий свет... Выключил. Смаргивая зайчика, вернулся к столу. Открыл бутылку.

– Щас-щас, – шептал Макс. – Ща-ас...

Сделал глоток, другой. Шелест компьютера и щелчки мышкой раздражали. Это могло продолжаться долго – Чащин знал по себе, что, забравшись в Интернет, блуждаешь там до упора. Или пока в туалет не захочется, или глаза не начнут слезиться, или кто-то не войдёт...

– Ну всё, бросай, – наконец не выдержал. – Потом ответишь. Покажи лучше съёмки.

– А? А, давай... Вчера одна приходила... Садись.

На экране появился этот же самый стол, компьютер. Глубокая тарелка, бутылка вина, стаканы. За столом сидела девушка в распахнутом тонком халате. Солнцезащитные очки в волосах, тонкие черты лица, две большие и, кажется, твёрдые груди с острыми сосками.

– Кушай, киска, посмотри на меня, – сладенько говорил Макс, но не сегодняшней, а тот, что её снимал. – Скинь халатик, кисунь...

Девушка брала что-то из тарелки и клала в рот. Жевала, запивала вином. Поглядывала в объектив камеры, морщилась симпатично. Просила:

– Выключи камеру. Не надо меня такую... Ну выключи. – Она смущённо ёжилась; при каждом движении груди тяжело покачивались.

– Алиной звать, – с улыбкой сказал реальный Макс. – Как, потянет?

Чащин pokrивил губы – смотреть на жующую девушку не очень хотелось.

– А на софе-то есть?

– Ясен перец! Но меня что-то больше такие прикалывать стали – как в жизни... Щас найду её же. – Макс остановил этот ролик, запустил другой. – Ну вот, ещё не смонтировал...

Очень яркий свет, на софе Алина, уже без халата. Поднимает и опускает ноги, перекачивается с боку на бок, проводит по губам темно-красным ногтем, улыбается, произносит, глядя в камеру:

– Иди сюда... Иди ко мне... Я хочу тебя.

– Ну как? – спросил Макс полушёпотом.

– Да, честно говоря, не очень. – Чащин глотнул пива. – Свет лишком сильный, камера прямо так, в лоб...

– Им так и нужно, немцам. Я видел их альбомы по фотоискусству – как наша порнуха. И лежат в каждом магазине свободно. Там и члены, и пёзды, трах свальный, но в таком оформлении... В общем, изыски. А им хочется настоящего такого, натурального. Чтоб все родинки видно, волоски, целлюлит. Вот от этого они прутся конкретно.

Но Чащину было скучно наблюдать за однообразно изгибающимся телом, и в то же время постепенно росло тяжёлое, неприятное возбуждение.

– Давай так посидим.

– Чего, закипело? Хе-хе... У меня в Крестах вообще глюки были по тёлкам. Там я их и полюбил – без них-то никак... А это, – голос Макса посерьёзnel, – если хочешь, то давай.

– Что?

– Ну, с девчонками. Сегодня после десяти придут две. Я с ними насчёт лесби договорился, но они и традиционно, сказали, любят. Скажем, что ты уже в порно снимался. И – погнаli. Бабы, если надо им, без проблем соглашаются. И прутся – по любви так не бывает!

Правда, – заметил, – те, кому под тридцатник, внизу предпочитают подмахивать, а молодые – сразу седлают, и хрен скинешь. Не знаю, чем объяснить... Ну чего? Есть желание?

Желание у Чащина было. Ни разу не представлялся случай вот так спонтанно, да ещё с двумя, да ещё с абсолютно незнакомыми.

– А они хоть симпатичные?

– Ну, щас оценишь. Скидывали тут фотки на электронку. – И Макс защёлкал мышкой.

Чащин следил за раздражающе, болезненно быстро для глаз меняющимися на экране фотографиями девушек. В купальниках, без, в трусиках, в сползших на живот кружевных лифчиках, в расстёгнутых джинсах, в задранных юбках, в колготках, чулках, кедах, ботфортах...

– И это всё прямо тебе присылают?

– Ну да. За последние дни. Надо сортировать, ответы писать. Времени не хватает...

Чащин почувствовал, что кровь внутри побежала быстрее, в глубине живота что-то сжималось, щекотало, царапало. И вот захотелось, чтобы прямо сейчас в дверь зазвонили и вошли с холода две высокие, поджарые, с распущенными светло-русскими волосами и тонкими манерными голосками; с такими, наверно, отлично провести час-другой...

– Слушай, – возник вдруг останавливающий, спасительный вопрос, – ты снимать меня, что ли, хочешь?

– Ну да.

– А если увидит кто-то?

– Что увидит?

– Меня... как я с ними... Знакомый кто-нибудь.

– Да вряд ли. Это в Германию уйдёт. – Макс оторвался от экрана, посмотрел на Чащина, повторил как-то задумчиво: – Вряд ли... Ну, вот они – Саша и Лада.

Девушки Чащину не понравились. Коренастенькие фигуры, простоватые лица, волосы так себе – он успел представить их другими. Да к тому же должны прийти только после десяти вечера.

– У меня завтра работа, – вздохнул Чащин, – выспаться надо.

– Успеешь. Давай. – Макс хлопнул его по спине. – Оторвёшься, гарантирую! Я ж говорю – они перед камерой офигеть как прутся. Без презика даже согласны.

– Хм! Ещё заразиться не хватало...

– Ну, как хочешь. Можешь просто тогда поглядеть... Щас покемарим, в себя придём, а там и тёлочки...

Чащин посмотрел на часы. Начало седьмого. Несильно, но плотно давило пивное опьянение – голова почти ясная, а тело отяжелело, мышцы расслабились. Даже в туалет идти было лень.

– Ладно, Макс, выключай. Надоело. Давай поговорим. – Чащин с некоторым усилием глотнул из бутылки; пиво уже не лезло. – Сегодня сон такой приснился, вроде и хороший, а вспоминаю, и мурашки...

– Что за сон-то? – Макс перестал шелестеть клавишами.

Стараясь не пропустить ничего важного, Чащин рассказал.

– Да, – Макс покачал головой, – а они умерли?

– Давно.

– Хреново, значит. Хотя... Они же тебя не приняли.

– В смысле? – От «приняли» Чащину снова сделалось жутко.

– Отправили обратно сюда. Не оставили... А блины... ты про блины говорил... это хреновый знак, когда блины снятся. Что-то, наверно, случится, Дэн... И печь топить.

– Ладно, не пугай. Хорош.

– Ты сонник купи, посмотри, чего опасаться.

– Ну всё... Главное, что ощущение такое странное – что мне там хорошо было очень... Прямо счастье испытал.

Макс усмехнулся:

– Многие говорят, что на том свете лучше.

– Э, кончай!

– Да ладно. – Макс протянул бутылку, предлагая чокнуться. – Мне, когда я в Крестах парился, столько всего наснилось. Каждую ночь. Но, видишь, жив, здоров, даже на зоне не пришлось чалиться... Просто домой хочешь, вот и увидел, что ты там... Ты же давно там не был? Съезди, погляди, как, чего... Сколько там времени? – Вспомнив что-то, Макс глянул в экран монитора. – Без пятнадцати семь. Давай, Дэн, соглашайся на тёлочку. Чего? Покемарим сейчас, в себя придём, а там – оторвёмся.

– Нет, поеду, наверно. Завтра на работу...

– Как хочешь. Варёный ты какой-то в натуре.

Пиво было допито, общение не принесло Чашину облегчения. Наоборот... Стал собираться.

– Да, кстати! – спохватился Макс. – Мы же насчёт этого не договорились. – Снова стал что-то искать, но на этот раз не в дебрях компьютера, а среди бумаг.

– Насчёт чего?

– Щас... Вот они. – Он протянул Чашину какие-то листы. – Это, короче, анкеты. Ну, для тёлочек... Мой бизнес. Дай там кому из знакомых. Хрен с ним – страшная, нестрашная. Бывает, и страшные нарасхват идут... Если выгорит, гонорар получишь.

Чашин принял анкеты, пробежал взглядом: «Фамилия... Имя... Адрес... Телефон... Возраст... Имеете ли загранпаспорт... Цвет волос... Объём груди... Типы работы: дамское бельё, топлес, эротика»...

– Если найдёшь подходящую, – шёпотом, словно их подслушивают, говорил Макс, – десять процентов с неё – твои. А это может и охренительная сумма получиться. Как повезёт, но в любом случае не в убытке...

Поезд почти пустой. В вагоне десятка два пассажиров. Дремлют... «Завтра в это время будет не протолкнуться», – лениво думал Чашин, и завтрашняя давка представлялась почти с радостью – без неё становилось уже как-то скучно. Вот сидишь так, спокойно, никто не толкает, и есть опасность уснуть, заехать куда-нибудь. Пропасть.

Встряхнулся, огляделся. Напротив, чуть справа, девушка. Нет, таких принято называть – молодая женщина. Лет чуть за двадцать, а причёска как у пожилой учительницы химии – волосы аккуратно зачёсаны назад и собраны в шишечку, на лице минимум косметики; симпатичная, но неприступно строгая. Серые сапожки, сероватый плащ... Да, после недели с ней наверняка на стену полезешь. Жёсткий распорядок дня, идеальная чистота, посуда моется сразу после приёма пищи, отдельные полотенца, аккуратно уложенное постельное бельё. Секс по расписанию... Хотя ему, тоже любящему порядок, такая, скорее всего, подойдёт... Подошла бы. Влюбись в слишком живую, безбашенную, с которой нескучно, но и не знаешь, чего через минуту ждать, устанешь не через неделю, а через день. Бывали уже случаи – приводил к себе, был чуть ли не счастлив, с умилением слушал безумное щебетание, ночь казалась прекраснейшей, ослепительной, а утром кто-то шептал, дёргал внутри: «На фиг, на фиг! Это не жизнь». И Чашин старался поскорее опять оказаться один.

«Зря пиво не купил в дорогу», – вздохнул он сухим горлом.

На «Автозаводской» вошла женщина. Полная, неважно одетая, лицо жалостливое. Перед собой держала фотографию какого-то парня; к фото приклеена бумажка с надписью: «У меня убили сына»... Постояла и медленно пошла по вагону.

Большую часть перегона между «Автозаводской» и «Коломенской» поезд двигался по поверхности. Туннельный грохот колёс превращался в мягкий перестук, и этим отрезком пути часто пользовались торговцы и попрошайки... Вот и теперь послышалось бормотание-причитание:

– Нету тебя, сыночек мой миленький... Нету... Кто вернёт?.. Все, все живые, а тебя нету, сыночек...

Пассажиры отворачивались, опускали глаза. Чащин искоса взглянул на женщину... Нет, на профессиональную нищую не похожа. Одета хоть и бедно, но опрятно всё-таки. По бороздам морщин текут слёзы... Хотя они изобретательны – так иногда играют правдиво, чтобы разжалобить, бабок подзагрести... Но, стараясь убедить себя, что она просто работает и фотография в руках у неё не сына, что деньги сдаст хозяину – какому-нибудь цыгану, – Чащин всё-таки достал полтинник:

– Держите.

– Что? – Женщина мутновато взглянула на него, на купюру и сморщилась: – Да не нужны мне деньги. Сын мне нужен. Кто мне сына вернёт? – Остановилась перед Чащиным. – Вот все вы здесь. Все живые, а он... Он здесь каждый день ездил... Кто мне вернёт?..

Чащин спрятал деньги обратно... Молодая с причёской учительницы строго смотрела в большую, в твёрдом переплёте, книгу.

7

Было время, когда он мало различал календарные будни и выходные: в армии суббота и воскресенье ничем особенным не отличались от среды или пятницы, а в магазине «Аудио-видео» Чашин работал день через два; болтаясь по Москве с гитарой, он совершенно не интересовался календарём – важны были события... Теперь же понедельник Чашин считал чуть ли не лучшим днём недели. Приведя квартиру в порядок, набив холодильник припасами, истомившись бездельем в воскресенье – в понедельник он врывался полным сил и желанием что-то делать.

Вскочив с кровати под пунктирный писк, Чашин перещёлкивал штырёк будильника с ON на OFF, несколько раз подпрыгивал на коврике, вскидывая руки, наносил серию ударов в пустоту, а потом шёл в ванную. Поливал себя прохладной водой из душа, смывая остатки сна, одурь пивного похмелья.

Потом – кофе, сигарета, созерцание белых огней за окном... Впереди был большой новый день, день, в котором может случиться необыкновенное, какое-нибудь чудо, а может протечь он ровно, влиться в море подобных бесцветно-благополучных дней... Чудо, конечно, вещь заманчивая, но лучше бы без чудес. Достаточно уже было всякого.

Нет, всё-таки неожиданно хорошего хотелось – вот бы каким-нибудь действительно чудом свалилась приличная сумма. Тысяч семьдесят долларов. И купить квартиру. Тогда можно и влюбиться, жениться. Хотя что такое, в сущности, семьдесят тысяч? Примерно на двушку где-нибудь на дальней окраине. А ребёнок появится, и сразу станет тесно... Чашин хорошо помнил, как, отдав ему одну комнату, родители, будто в западне, сидели во второй, да и Чашину было неудобно – родительская комната была проходной, и лишний раз, особенно ночью, из своей он старался не выходить... Нет, для троих две комнаты мало. Человек должен иметь возможность побыть один...

Люди в метро становились по утрам понедельников особенно торопливы, активны, словно тоже истосковались по суете, толчее, желали поскорее оказаться на своих рабочих уютных местах. И как-то выразительнее в этот день призывала в микрофон дежурная по станции: «Во избежание несчастных случаев отойдите от края платформы!»; и Чашин с удовольствием вминался в упругую стену людей в вагоне и без раздражения принимал давление тех, кто вминался в него... Этот понедельник начался как обычно.

Оказавшись в кабинете, заварил кофе, включил компьютер. С удовольствием устроился за столом. Почувствовал, что соскучился.

Для начала просмотрел новости в Интернете. Почти всё опять про эту несчастную монетизацию: «У здания администрации Пермской области проходит пикет против замены льгот компенсациями. Пикетчики выдвинули требования»..., «Православные христиане Санкт-Петербурга принимают активное участие в массовых митингах протеста против монетизации льгот»..., «Члены национал-большевистской партии и ветераны войны собрались у здания краевой администрации»...

– Тема месяца, – проворчал Чашин, открывая файл с материалами для будущего номера журнала. Покручивая ребристый валик на мышке, мельком прочитал рецензию на комедию «Знакомство с Факерами» с Де Ниро и Стрейзанд в главных ролях, затем – рецензию на «Двенадцать друзей Оушена». Эти материалы пойдут стопроцентно... Рецензия на «Взломщика сердец» под вопросом... На отечественный комедийный боевик «Сматывай удочки» – желательно, а то сплошной Голливуд... Дальше – двадцать две страницы – информация, в каком московском кинотеатре что крутят. Плюс краткие аннотации к ним. Вот с этими аннотациями и придётся возиться – до строчки повысчитывать, поломать голову, что убрать, что оставить...

Вздыхнув с наигранной тяжестью, Чащин поднялся, перешёл на диван. Закурил. Полюбовался синеватыми клубами дыма, которые плавно, как живые, шевелились в неведомости, а потом медленно таяли, растворялись.

– Н-ну-с? – затушил в пепельнице окурок, посмотрел на часы.

Десять минут двенадцатого. Отлично. И до обеда уже недалеко. Что там сегодня? По понедельникам обычно рыбный суп и гороховый (возьмёт гороховый); со вторым выбор сложнее – традиционные свиные отбивные, рагу, пожарские котлеты, отварная рыба (наверное, из супа) и мясной торт, скорее всего. Да, мясной торт... Чащин любил это блюдо. Раньше и не знал, что такое бывает, долго ухмылялся, видя его название в меню, иронизировал: «Торт мясной, хм! Мясо вместо муки, соус вместо крема. Оригина-ально». Но однажды попробовал – оказалось вкусно. Этакая запеканка из фарша, рубленого мяса, с какими-то приправами, майонезом. И теперь раза два в неделю он брал на второе кусочек торта... Из гарнира, конечно, предпочтительней всего нежное, как когда-то в школьной столовой, картофельное пюре...

Мысли о еде смелись другой, которую он упорно старался спрятать, – Чащин вспомнил про недавний сон и поёжился. Вернулся за компьютер, стал искать сайт толкования сновидений. Что там было главное? Запомнилось ярче всего? Мороз. Да... Чащин нашёл «мороз». «Мороз – затруднения в личной жизни, охлаждение близкого человека». Ну вот... «Блины». «Блины продавать – остерегаться; блины печь – поминки»... Чащин нахмурился, вспоминая... Нет, во сне блины не пекли, бабушка только обещала. Значит... Что это значит? Наверно, намёк, чтобы он их помянул...

Какая-то сила затягивала Чащина обратно в сон, а сотни слов на экране компьютера, объясняющие любую мелочь, были крючочками, и он цеплялся на них всё крепче... Дедушка растапливал печку... Чащин нашёл про печь. «Печь топить – ссора». Но дедушка только собирался растапливать, лучины щепал. Ещё бабушка его торопила... «Дед родной – благополучие». Это хорошо... А ведро? Ведро тоже что-то важное... Ведро-о... «Ведро пустое – неудача; ведро полное – радость»... Во сне ведро было не полное, но и не пустое. А средний вариант в соннике не предусмотрен...

И эта ничтожная вообще-то деталь помогла сорваться с крючков; и Чащин, кривя победительно губы, закрыл сайт.

Перед самым обедом, стукнув в дверь и дождавшись разрешения, вошла секретарша. Принесла несколько страниц с новой информацией по фильмам.

– Игорь Юрьевич просил посмотреть, – сказала мягко и тихо и в то же время отчётливо произнося каждое слово. – Вот это, помеченное красным, поставить нужно обязательно, а остальное – на ваше усмотрение.

– М-да-а, – подчёркнуто расстроено вздохнул Чащин, перебирая листки; на самом деле он не расстроился, но стоило показать, что не в восторге от такого известия. – Спасибо, конечно. Блок, правда, переполнен... Что ж, будем работать.

– Я сейчас перешлю материал по сети...

– Хорошо. – Чащин коротко улыбнулся секретарше, давая понять, что больше её не задерживает. Она тоже улыбнулась понимающе, повернулась, пошла из кабинета.

В который раз он удивился её привязанности к форменной секретарской одежде – белая кофточка, чёрная юбка, чёрные колготки и чёрные туфли на невысоком, но выразительном каблуке... Как бы рано он ни приходил на работу, она уже сидела на своём месте, приветливая и внимательная, и уходила позже остальных. Впечатление, что у неё ни семьи, никаких иных дел, кроме работы. А ведь хоть и выглядит неплохо, но уже в возрасте – лет за сорок. Действительно, есть ли у неё муж, дети, или, может, до сих пор живёт с крепкими ещё, считающими её девочкой, родителями?... А мужчина любимый? Любовник? Если вот так судить,

зная её только в роли секретарши, то легко можно решить, что это робот, которому больше ничего и не надо, кроме исполнения установленной программы... Да и не вспомнить даже, как её зовут – сперва Чащин всё путался, называя то Алёной, то Аней, а она ни разу его не поправила; потом он и вовсе перестал в разговорах с ней упоминать её имя – и без имени как-то неплохо получалось. Для делового разговора имена, в сущности, не нужны... Кстати, секретарша тоже не слишком часто называла его по имени, тоже без усилий обходила эту деталь.

Хм, может, дать ей максовскую анкету? Там есть ограничение по возрасту – тридцать пять лет, но вдруг у неё прокатит. Сохранилась-то действительно классно... Дать анкету, предложить попробовать всё изменить. Рассказать про Макса с камерой, софу, возможность работы за границей... Вот, наверно, перепугается... Нет, а если молча протянуть? Она начнёт с серьёзным видом читать, вникать, подумает, что по журналу, а потом... Чащин хохотнул, тут же опомнился, кашлянул, возвращаясь в своё обычное состояние. Сложил в стопку бумаги, взял мобильный и пошёл обедать.

Столовая была закрытая, лишь для сотрудников фирм, располагающихся в этом здании. Потому и блюда дешёвые. Суп – шестнадцать рублей, второе – в среднем полтинник, салатки – в районе двадцати. Компот, кисель из вишни за десятку, слоёные пирожки в ассортименте...

Чащин сидел за квадратным столом на четырёх человек. Остальные три места занимали молодые люди, мало чем от него отличающиеся: деловые костюмы, аккуратные причёски, галстуки традиционно во время обеда засунуты между пуговиц белых рубашек, чтоб не залезли в суп... Этих молодых людей, как и большинство остальных посетителей столовой, Чащин знал в лицо, но где работают, как их зовут, никогда не интересовался. Да и что интересного?..

– Как, Юр, обживаешься? – спрашивал один, лет двадцати пяти, рыжеватый, плотненький и, видимо, очень по жизни энергичный. – Давно тебя что-то не видели...

– Да сложно, сложно пока, – уныло отвечал другой, темноволосый, сухощавый. – Тяжело, если честно.

– М-м! Зато, слышали, и зарплата недетская.

– До неё дотянуть надо...

– Я тут читал, – вступил третий, тоже чернявый, с родинкой над левой ноздрей, – что если за двадцать дней не адаптируешься к новому месту, то это сто процентов уже всё. Дальше сплошные косяки, стрессы, и в итоге...

– А ты сколько там, Юр? – перебил рыжеватый.

– Я... Две недели ровно.

– Это, значит, четырнадцать дней.

– Десять рабочих, – скороговоркой поправил сухощавый.

– Ну, так или иначе – экватор.

– Критический момент, – подтвердил с родинкой. – Не вступишь в систему, в коллектив – и писец.

Сухощавый перестал есть:

– Обживусь, думаю. Притрусь.

– Смотри, Юрий, это всё может плачевно кончиться...

Эти двое – рыжеватый и с родинкой – явно издевались над знакомым, наверняка бывшим своим сослуживцем, мстя за то, что устроился на более денежное место. А тот верил и пугался всё больше. Сидел над полупустой тарелкой рыбного супа и ловил каждое слово про свой кризисный момент. Смотреть на него было больно...

– А как там, – наконец тихо, жалобно поинтересовался, – замену мне подобрали?

– П-ху! – чуть не подавился рыжеватый. – Естественно! Такая девочка теперь сидит!.. МГУ закончила, полтора года в Англии стажировалась. Ас, короче... Нет, Юрка, обратно тебе путь заказан. Сто пудов.

– Палыч на тебя злой, – добавил с родинкой. – Зря ты так свалил, со скандалом.

– Зря, зря, Юрка. Даже не знаю... – Рыжеватый поставил на пустую суповую тарелку тарелку со вторым. – Так вот люди и становятся продавцами на Горбухе. За лучшим рванут, обломаются, а потом – на дно.

– А что делать, ребята? – сухощавый чуть не плакал. – А?.. А?

Ребята не отвечали, уверенно отрезали кусочки от свиной отбивной, отправляли в рот, жевали.

Чувствуя приятную ленивость после сытного обеда, Чашин выкурил сигарету в холле. Заодно полюбовался ровными плиточками колен Наташи из отдела музеев, галерей и экспозиций... Наташа курила в кресле напротив, откровенно тяготилась его молчанием, и Чашину захотелось сказать что-нибудь остроумное, такое, чтобы она посмеялась. Но не нашёл подходящего, бросил окурочок в урну, пошёл к себе.

Не стесняясь, громко и смачно порыгивая, включил компьютер. Нужно было позаниматься делом. Вставить необходимое из того, что принесла секретарша, сократить не очень нужное... Да, число кинотеатров растёт, количество фильмов – тоже, всё больше прокатчиков желают полнее прорекламирровать продукт и платят за это журналу денежку. Так что, как говорится, это святое.

Решительно, но всё же в глубине души сожалея, Чашин уничтожал краткие аннотации фильмов, за которые не было и не будет заплачено, аккуратно сокращал проплаченные материалы... Постепенно втянулся, забыл о том, что нужно перекуривать, пить чай, поглядывать на часы.

Наконец-то понедельник дал знать о себе...

Когда-то, в самом начале, Игорь поручил ему блок «Концерты». Чашин действительно неплохо знал музыку, исполнителей, клубы, мог и сам при необходимости написать статейку о предстоящем выступлении «Аквариума» или «Крематория»... Но через полгода попросил перевести его в отдел кино, где как раз открылась вакансия. Слишком тяжело было неделю за неделей рекламировать бездарные группы, видеть их вычурные или тарабарские названия – «Ю-Питер», «Ничего хорошего, тем не менее», «Кукрыниксы», «Добраночь», «Карибасы», «Шао? Бао!», «Ухо Ван Гога», «Нож для фрау Мюллер», «Дети Пикассо», «Старик и Море», «Паперный Т.А.М»... «Хоронько-оркестр»... Таких групп были сотни, и когда Чашин пробовал послушать их музыку, начинало ломить уши, настроение портилось окончательно... Клубы росли как грибы, и эти вредные для здоровья группы кочевали из одного в другой; бывало, за неделю давали по десять концертов... Чашин негодовал, досадовал, злился, а может быть, завидовал. Ему подобное в своё время не удалось...

С кино было проще. Особенно когда перестала приходить информация из Музея кино. Там с утра до ночи крутили старые, часто первоклассные фильмы, которые нужно было сопровождать аннотацией, и Игорь следил, чтобы репертуар Музея был представлен полно и вкусно и в то же время коммерческие материалы не страдали. Чашину приходилось тогда всерьёз ломать голову, составляя свой блок, пытаясь всё уместить, всё выделить. Но вот Музей кино закрывали, его дирекции стало не до рекламы киносеансов...

В кармане пиджака запиликало. Морщась, что отрывают от дела, Чашин сохранил в компьютере правку, достал телефон, глянул на дисплей. Номер звонившего не обозначился. Нажал кнопку с зелёной трубкой:

– Да, слушаю.

Сквозь помехи или шум улицы раздались выкрики:

– Алло! Дэн, алло, слышишь меня?.. Алло?

– Кто это?

– Да я, я! Димон!.. Дэн, это ты?.. Алло...

– Привет. – Чащин узнал голос Димыча и слегка обрадовался.

– Алло!.. Не слышу, алло!

Обрадовался именно слегка – Димыч в последнее время звонил раза по два в месяц, частенько нетрезвый, и обещал приехать. Чащин сдержанно отвечал «давай, жду», но что он действительно приедет, верилось слабо – не то уже время, чтобы просто так из далёкой провинции заявиться в Москву: нужно две с лишним тысячи на билет в плацкартном вагоне, ещё сколько-то на питание, сколько-то на всякий пожарный. А ехать на собаках – пересаживаясь с электрички на электричку, когда тебе за тридцать, – малореально. Лично Чащин бы такого путешествия уже не выдержал.

– Я это, я! – крикнул в шум и треск, бьющийся в трубке. – Ты слышишь?

– Да, слышу... Я здесь... На вокзале тут.

– Что?.. На каком?

И Димыч затараторил, что в Москве, на Ярославском вокзале, такая толчея вообще...

– Как мне доехать?

– Погоди... – Чащин опустил руку с телефоном, начиная соображать, что вот-вот произойдёт большой напряг. Но, может... И он снова прижал трубку к уху: – Алло, ты точно в Москве?

– Да ёптель! Ты чего, Дэн, глумишься? Стою тут, возле табло... Магазин «В дорогу»... Людей – охренеть! Посадка, что ли... Как добраться-то? Диктуй!

И Чащин как-то безвольно-механически стал объяснять, потом понял, что бесполезно, к тому же и сам он не дома, и велел Димычу ждать.

– Через полчаса – буду.

8

Ещё в детстве Чащин заметил в себе такое, может быть, спасительное, но непривлекательное качество – когда происходило что-нибудь по-настоящему неожиданное, неприятное, требующее быстрого решения, поиска выхода, он словно бы засыпал. Точнее – что-то в нём отключалось, отмирало... И сейчас он как-то сомнамбулически пошёл к Игорю, отпросился, надел пальто. Без всяких мыслей, даже не запомнив, не отметив, как оказался в метро, сел в вагон, как переходил со станции на станцию, доехал до «Комсомольской». И только тут, увидев Димыча возле огромного расписания движения поездов дальнего следования, не совсем, не полностью, но проснулся.

Друг не замечал его, и Чащин, с интересом и безразличностью, которую когда-то чувствовал по отношению к себе, наблюдал... Сразу видно, человеку за тридцать. Грузная фигура, взрослое, потрёпанное жизнью и алкоголем лицо, но одежда, причёска... Желтоватые волосы сбриты с висков, а на спину спускается длинный, тощенький хвостик; если намазать волосы муссом и зачесать вверх, получится полуметровый ирокез... Рваный, болотного цвета танкистский бушлат расстёгнут, под ним, конечно, толстовка с портретом Егора Летова и надписью «Гражданская Оборона». На ногах истёртые, с прорезами на коленях, джинсы, увешанные булавками, и обрезанные кирзовые сапоги с самодельной шнуровкой. За спиной, в чехле, словно охотничье ружьё, гитара, а в правой руке – тощий рюкзак...

Чащин стоял, скрытый мельтешащими людьми, и пытался решить, что делать. Отключить телефон и спрятаться дома? Пересидеть (адрес Димычу он, кажется, не давал), а завтра, забыв об этом эпизоде, поехать на работу... Ведь... Чего он приехал-то? И как с таким рядом в метро?..

Но, уговаривая себя развернуться и сбежать, стереть Димыча из памяти, Чащин шагал к нему. Толчками, через силу, туловищем вперёд, как против сильного ветра.

С восьми до тринадцати лет главным их увлечением было изготовление пластилиновых солдатиков. Это не походило на обычную детскую лепку, когда при помощи послушной мягкости фантазируешь, учишься творить, создавая из одного и того же кусочка сначала ракету, потом пушку, затем вазу, крокодила, собаку... Нет, Денис с Димкой редко ломали свои поделки, хранили их аккуратно, подолгу.

Тогда был хороший пластилин – твёрдый, не такой липучий, как нынешний, строгих, без водянистой яркости, цветов. И, изготовив солдатика, одев в красивую форму, наклеив полоски-портупей, аксельбанты, лампасы, приладив бескозырку или папаху и вручив винтовку со штыком – расщеплённой спичкой, – его помещали в морозильник. Полежав там сутки, затем обсохнув в тёмном, прохладном месте, солдатик становился каменным, как расписная глиняная игрушка. После этого его отправляли в строй.

Этим занятием их заразил Владька Кузин, парень на два года старше, сосед Димки по подъезду. У Владьки было много книг с картинками про Гражданскую и всякие другие войны, по ним и лепилась форма. А в воскресенья они втроём собирались у кого-нибудь дома и устраивали сражения... Странно, но правил сражений Чащин совершенно не помнил, не помнил и того, кто обычно выигрывал. Да и, наверное, это было не столь важно – важно было, ликуя и предвкушая, принести свою армию в большой плоской коробке, развернуть пехоту в цепь на полу, оборудовать пулемётные гнёзда, подготовить отряд увешанных гранатами матросов для прорыва вражеской обороны, организовать командный пункт, разместить за ножкой кресла резерв.

Много времени уходило на изучение солдат друг друга, вооружения. Впереди здесь всегда был Владька – он придумывал доты, ввёл конницу, даже сделал несколько броневигов

из сувенирных машинок. За ним было не угнаться... Он же первым стал охладевать к этому многолетнему увлечению. И, приходя к нему, Денис и Димка иногда даже не открывали коробки – или болтали, соревнуясь в фантазии, о том, как бы отправиться в путешествие, найти сокровища пиратов, или, чуть позже, слушали музыку на новеньком кассетном магнитофоне «Легенда». «Бони М», «Шокен блю», «Аббу», «Битлз», «Машину времени»... А однажды Владька встретил их особенно загадочно-возбуждённый, с нетерпением дождался, пока Денис с Димкой снимут куртки, ботинки, увёл к себе в комнату. Усадил на диван, вставил в розетку огромную вилку-трансформатор. Сказал:

– Прикидайте, что мне братан прислал. – Его двоюродный брат жил в Челябинске и присылал Владьке кассеты наложенным платежом. – Офигеть.

Денис с Димкой держали на коленях коробки со своими армиями. Ждали.

Владька вдавил клавишу «пуск». Отошёл. По-взрослому сложил на груди руки... Отчётливо зашелестела плёнка, послышалось шуршание магнитного слоя, мягко толкнул диафрагму динамика фон – предвестник скорой музыки. И вот, ожидаемо и всё равно неожиданно, раздалась эта самая музыка – короткая барабанная дробь, которую сменила простенькая игра на гитаре, бухтенье баса. А потом кто-то безголосо, но разборчиво запел. Нет – стал рассказывать:

Меня спросили, что происходит со мной,
И я не знал, что сказать в ответ.
Скорее всего, просто ничего,
Перемен во всяком разе нет.

Мне, право, недурно живётся,
Хотя я живу не как все —
Я удобно обитаю посредине дороги,
Сидя на белой полосе.

– Ансамбль «Зоопарк», – в паузе между куплетами вставил Владька. – Из Питера. Солиста зовут Майк...

Машина обгоняет машину,
И каждый спешит по делам,
Все что-то продают, все что-то покупают,
Постоянно спорят по пустякам.

А я встречаю восход, я провожаю закат,
Я вижу мир во всей его красе,
Я удобно обитаю посредине дороги,
Сидя на белой полосе⁴.

Какого именно числа это произошло, Чашин, конечно, не запомнил. Но это была весна восемьдесят пятого года, в школе предстояла четвёртая четверть, родители ругались, что у него сплошные тройки, а он помешался на пластелине... Чашину хотелось верить, и постепенно он убедил себя: альбом группы «Зоопарк» «Белая полоса» – первые для него песни настоящего рока – открылся ему именно в тот самый день, когда, вернувшись домой, он

---

⁴ Майк Науменко, «Сидя на белой полосе».

услышал по телевизору звенящий от скорби (или, может, от радости) голос нового Генерального секретаря Горбачёва на похоронах предшественника Черненко:

– Склоняя голову перед тобой, наш дорогой товарищ и соратник, мы обещаем неуклонно следовать курсом нашей ленинской партии. Служить её делу – значит служить делу народа. Этот свой долг мы выполним до конца!

А где-то в Питере какой-то парень, чётко отделяя одно слово от другого, возмутительно-гениально откровенничал:

Если вы меня спросите, где здесь мораль,
Я направлю свой взгляд в туманную даль.
Я скажу вам: «Как мне ни жаль,
Ей-богу, я не знаю, где здесь мораль.
Но вот так мы жили, так и живём,
Так и будем жить, пока не умрём»⁵.

И после этого солдатики окончательно стали неинтересны, коробка с ними оказалась в нижнем ящике шкафа, где давно скучали кубики, конструкторы, лопатки; Денис с Димкой за один день шагнули из детства дальше – в осознанность и серьёзность. Важное включилось в мозг, и там словно бы появилось огромное поле требующих заполнения клеток... Начались поиски странных, но таких близких, ожидаемых, помогающих взрослеть, понимать мир песен и тех, кто эти песни поёт. Ориентиры были даны в той же «Белой полосе»: нужно слушать «Аквариум», «Зоопарк», «Секрет», «Странные игры», «Кино», не нужно – «Землян», «Арабески», «Оттаван», «Эй-си – ди-си», хеви-метал. Этот альбом подарил им и множество незнакомых, но таких притягательных, наверняка с глубоким значением, слов: «флэт», «диск-жокей», «гопники», «урла», «буги-вуги», «Боддисатва»...

Песен было мало, братан Владьки предпочитал красивую музыку вроде «Аббы», а кассету с «Зоопарком» прислал, как сам объяснил в письме, «чтоб прикольнолись...». Да, песен было мало, и взять эти неведомые «Аквариум», «Кино», «Странные игры» было негде, пришлось сочинять самим. Вместо пластилина, подкопив, купили гитары за семь рублей; стали учиться играть, для лёгкости подбирая мелодию под свои слова. Чащин запомнил одну рифму из тех сотен, что у него тогда получились:

Хочу выпить вина,
Целый стакан, до дна.

Казалось, не хуже, чем у «Зоопарка»...

Летом восемьдесят пятого, окончив восьмой класс, Владька уехал в Иркутск учиться на пожарного. Через год вернулся скрюченный, не узнающий знакомых, но с жадными, мечущимися глазами. Димка испуганно сообщил:

– Он маком колется!..

Побродив по городку, Владька исчез окончательно. И мама его куда-то уехала... А Денис и Димка начали совершать вылазки в более крупные города Сибири, нашли соратников, услышали вживую фузовую гитару, гипнотизирующий бой палочек по ударной установке, увидели человека у микрофонного штатива...

Почти пятнадцать лет Чащин жил этим, попадая то в джунгли общаг новосибирского Академгородка, то в питерское ПТУ, то в армию, то, очень редко, на сцену, скитаясь по раздолбанным вшивым сквотам, портя желудок паленкой и китайской лапшой, потеряв время,

---

⁵ Майк Науменко, «Песня простого человека».

когда можно было поступить в институт, не научившись нормально общаться с девушками, не научившись жить, как нормальные люди... Чудом каким-то удержался на поверхности, не захлебнулся, не утонул в сладостной трясине протеста, не сгинул, как тысячи так называемых неформалов. Зажил более-менее достойно, спокойно, почувствовал в душе равновесие. И вот вдруг его потащили обратно – в глупое, бесполезное, опасное вчера.

– У нас... У нас же была великая культура! Великая! Согласись... По фигу, как её называли – андеграунд, контр, суб какой-то... Нет, это была настоящая культура. Наша! Один Сашбаш – бездна целая! Он же... А Бэгэ! А Цой, Майк. Вспомни Майка, Дэн! Помнишь его? Это же!.. Согласись... И где?.. Где всё? А?.. Где мы? – отрывисто, но захлёбываясь возбуждением, вскрикивал отдалённо похожий на Димыча грузный, рыхловатый человек. – Где мы все с нашими гитарами? С электричеством? Ведь мы же столько могли! Мы же вселенной были, и – вот... Как и не было. Теперь, х-хе, «Фабрика звёзд». Тёлки тупорылые, удоды с бородками... А вспомни наших, Дэн? Дэнвер, ёлы-палы! Вспомни. Янка... А! Её же надо каждый день крутить по всем каналам. Чтоб все всё поняли. Мутанты... По всем радио, из всех окон! Вот это ведь... – И неприятным, визгливым голосом отдалённо похоже запел: – «Собирайся, нар-род, на бессмысленный сход, на всемирный совет, как обставить нам наш бред. Бред! Бре-ед! Клинить волю свою в идиотском краю. Посидеть, помолчать да кулаком постука-ать»...⁶

На журнальном столике – классический, но забытый Чащиным набор: уже почти пустая литруха водки, кривыми кусками порезанная варёная колбаса, сыр, банка с маринованными огурцами, бутылка «Колокольчика» для запивки... Чащин неосмотрительно много выпил в самом начале, и то ли от водки, то ли от неожиданного приезда друга детства его очень быстро сморило; он откинулся на спинку кресла и сидел, прикрыв глаза, сквозь дрему слушал вскрики, вяло, зная, что ответа не будет, спрашивал себя: «И что теперь?» Хотелось, чтобы произошло, как в сказке – уснул, проснулся, а Димыча нет. Тишина.

– Дэн... Дэн, да не спи ты! Дэн-эн! – Чащин приподнял каменно тяжёлые веки, увидел перед собой перекошенное лицо; да, это Димыч, Димыч здесь. – Не спи, давай поговорим. Шесть лет не виделись! Надо решить... Я ведь не просто так приехал. Я ведь... Давай возродимся. Слышишь? Группу по новой, я песен привёз... Надо, Дэн! Мы... У нас же такое поколение было. Первое настоящее! Всё могли перетрясти, всех выкинуть... А где теперь? Где мы, Дэн?.. Дэнвер, не спи! Надо выпить... Держи.

Чащин выпрямился в кресле, принял рюмку, покорно-равнодушно проглотил уже не жгущую, безвкусную водку.

– Ну чё ты сделал?! – рыданул Димыч. – Я же тост хотел!.. Б-бля... Ну чего ты мёртвый такой? Нас же такие дела ждут. Я тут по электронке кое с кем списался... Классные чуваки... У тебя-то есть Интернет? А?

Чащин кивнул и снова прикрыл глаза. Поплыл в сон.

– А как, по карточкам или выделенка? Выделенка? Ништяк... Я говорю, я с такими чуваками списался. Они младше все, но это и хорошо. Классные. Они такого тут натворят! Устроят. Это мы, как эти... Столько сил было, а в итоге... Дэн, скажи, почему с нашим поколением так? Пшик один получился. А?.. Вон эти, на десять лет старше, да даже на семь каких-то, – и смогли. Прогрели, сделали. Цой, Сашбаш, Кинчев, Летов, Янка, Ревякин. Они уже – навсегда... И эти теперь, кому за двадцать только, они уже шатают, грызут. А мы вот... Дэн, давай за нас! Слышишь?.. Эх-х... – Громкий глоток и шумный, протяжный выдох. – Нет, я не хочу соглашаться, что мы беспонтовые... Курьеры, Маленькие Веры, Роковые Ошибки... Нет! Нет, Дэн, мы на такое способны! И надо доказать. И теперь – теперь,

⁶ Янка Дягилева, «От большого ума».

Дэн, последний шанс! Ведь нам... Дэн, нам тридцать пять скоро! Ё-олы... Ведь потом уже... И надо дверью хлопнуть. Так хлопнуть, чтоб... Слышишь? Ты готов? А?.. Вспомни, как мы с тобой... У нас ведь такая богатая жизнь была. Настоящая! Вспомни! Смысл... И что... на что променяли? Бля!.. Креативные. Ненавижу!.. Давай, чтобы снова... Мы же оттуда! Это мы страну переделали. Мы! Помнишь? – И рычание-пение: – «Менять, настало время менять!» А давай послушаем! Где у тебя кассеты? А? Дэн, ну не спи! Вставай!.. У тебя есть «Алиса»?.. Ладно, я свою поставлю. Качество только... Ещё та, родная... – Скрипы, щелчки. – Слушай, включаю. Помнишь эскэка, октябрь восемьдесят девятого? Это же... Революцию мы делали, понимаешь?! Слышишь?

В городе старый порядок.
В городе старый порядок!
Осень.
Который день идёт
Дождь!
Время червей и жаб.
Время червей и жаб.
Слизь!
Но это лишь повод
Выпустить когти!
Мы поём.
Мы поём!
Заткните уши,
Если ваша музыка – слякоть.
Солнечный пульс.
Солнечный пульс!
Диктует!
Время менять имена.
Настало время менять!⁷

...У Спортивно-концертного комплекса имени Ленина – людское море. Крики, sireны милицейских машин, свист, гогот. Сегодня концерт «Алисы» в самом большом зале Ленинграда. Праздник для тысяч тех, кого с недавних пор стали называть неформалами.

Денис и Димыч с краю толпы, штурмующей центральный вход. Многие ребята и девчонки в ватниках и тельняшках, в кирзачах, лица разрисованы губной помадой; у некоторых в руках красные флаги. Это алисмены. Но толкуются здесь и цветастые пункера, стилиги в галстуках-шнурках, рокабилли с квадратными причёсками, затянутые в кожу рокеры, металеры, опасливые, тихие хиппаны. Даже гопники есть... Вся эта масса время от времени, словно услышав чью-то команду, яростно зарывав, превращается в таран и ударяет в металлические ограждения, за которыми выстроились плотной цепью милиционеры с дубинками.

Концерт ещё не начался, и те, у кого были билеты, с великим трудом пробивались к узкой прорехе в ограде. Их наспех охлопывали и пропускали дальше, на длинную, широкую лестницу, ведущую к дверям похожего на огромную скороварку СКК.

Толпу же стремящихся прорваться бесплатно ежеминутно разбивал милицейский «уазик». Включив сирену, он медленно ползал взад-вперёд, получая по своим бокам тычки кулаками и древками флагов... Раздался вопль – кому-то, наверно, наехали на ногу. Удары участились, по капоту хлестнули цепью.

---

⁷ Константин Кинчев, «Время менять имена».

– Переворачивай! – раздался крик, и десятки рук стали качать машину; «уазик» взревел, газанул, выскочил из толпы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.